

ЖУРНАЛ М. Д. ЧУЛКОВА „И ТО И СЬО“ И ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЕ ОКРУЖЕНИЕ

А. Западов

1

О Михаиле Дмитриевиче Чулкове — журналисте, романисте, историке и собирателе фольклора XVIII в. немало уже сказано и написано. В последние годы он стал предметом особого внимания; о нем говорят: В. А. Десницкий в вступительной статье к сборнику «Ирон-комическая поэма», Б. В. Томашевский в комментариях в том же сборнике, В. Шкловский в книге «Чулков и Левшин», В. Нечаева в своей статье «Русский бытовой роман XVIII в. М. Д. Чулков»¹ и т. д. Для писателя XVIII в. это — литература значительная. И факт ее возникновения показывает, что интерес к Чулкову отнюдь не случаен. Чулков — важная фигура для изучения русской литературы второй половины XVIII в., ярко иллюстрирующая возникновение в ней буржуазной линии — прерывистой, неровной, непоследовательной, но настолько существенной, что без учета ее невозможно создать правильное представление о литературном процессе XVIII в. и последующего времени. И дело тут вовсе не в биографии Чулкова-разночинца, вышедшего из низших слоев общества, бывшего актера и придворного лакея, — биографии, как будто бы позволяющей безошибочно определить его социальное лицо.

Суть дела заключается именно в самом характере творчества Чулкова, основными чертами которого являются крайний эмпиризм, националистические тенденции, интерес к фольклорному собирательству, ориентация на низового, мещанского читателя, борьба с классическими жанрами дворянской литературы и попытки выдвинуть новые жанры — бытовой повести и новеллы.

Если о прозе Чулкова кое-что написано, и она более или менее обследована, то этого нельзя сказать о журнале его «И то и сьо». Между тем этот журнал явился для Чулкова как бы пробной лабораторией, в которой содержатся образцы всех его начинаний и в этом смысле представляет собой непосредственный интерес.

Разумеется, бессмысленно искать у Чулкова законченного буржуазного мировоззрения, говорить о какой-то программе, о крепости

¹ Ученые записки Института языка и литературы, т. 2, М., 1928, стр. 5—42.

его идеологических позиций как представителя «подымающегося третьего сословия» и т. д. Программной четкости у него нет, политическое сознание его смутно. «Нет ничего приятнее в свете, как знатный господин, украшенный добродетелями, справедливостью и умом» — пишет он в 33 неделе своего журнала «И то и сьо». Сам Чулков всю жизнь старался выбраться из нужды и занять «положение в обществе»; он стремится к карьере, в 1789 г. получает дворянское звание, приобретает деревни и с удовольствием именуется «помещиком, надворным советником Мих. Дм. Чулковым» (Словарь учрежденных в России ярмарок, 1789 г.).

Все это никак, однако, не исключает наличия у Чулкова многочисленных элементов буржуазного мировоззрения. Не случайны заявления Чулкова: «Разум — богатство нашей жизни» (33 неделя); «я же голову имею собственную; следовательно и разум в ней не купленный» (1 неделя). Роль разума, необходимость рационалистического подхода к явлениям действительности Чулков подчеркивает и в рассказах о народных суевериях: «Впрочем, принимается оно (дурное обыкновение.—А. З.) неведением простого народа, из которых многие, не имея ни малейшего просвещения, держатся суеверия, не соглашаются верить истине» (8 неделя). Чулков охотно описывает народные верования и обычаи, с ними связанные, но совсем не затрагивает религии. У него нет сатиры на духовенство, обличений монашества, подобных тем, которые встречаются у Эмина. Но он, рассказывая о смерти старика (5 неделя), прибавляет: «Куда девалась его душа, о том ни плачущая его жена, ни я, оба не знаем».

В предисловии к «Пересмешнику» (1766 г.) Чулков называет себя «мелкотравчатым сочинителем». Начиная издавать журнал «И то и сьо», он предупреждает читателя:

«Впрочем, господин читатель, не ожидай от меня высоких и видных замыслов: ибо я и сам человек неважный и когда правду тебе сказать, не утруждая совести, то состоянием моим похож на самое сокращенное животное» (1 неделя).

«Дома я не имею, хозяином не слывал от рождения и может быть до самой смерти не буду иметь сего названия», с горечью пишет он в 5 неделе «И то и сьо», добавляя, что обитает в таком тесном покое, что ему некуда даже руки протянуть. «По рождении моем написал я больше, нежели степная Татарская Архива: но за все сие получили не больше, как на одну только провизию для утоления моего алча, следовательно не имею теперь ни одной копейки».

Он завидует богатому вору, плуту секретарю:

«Вот судьба сколько справедлива, он больше меня порочен, но богат, он глупее меня, но спокойней; он презренье достоин, но чрезвычайно счастлив».

Откупщик, судья, танцмейстер, — все богатей, «а ты! который препровождаешь день и ночь за книгою. . . платье носишь коноплянного цвета, но и то от четырехлетнего употребления поистаска-

лось и обветшало, худо оно; но ты и переменить его не имеешь надежды» (48 неделя).

Таков этот «сочинитель» — автор второго по времени выхода сатирического еженедельника 1769 г. «И то и сьо».

2

С первых же страниц своего журнала Чулков рисуется необычайным для дворянской литературы персонажем. Его темы, образы героев, его сравнения, стилистические обороты характерно окрашены отношениями рыночно-торговыми, отношениями купли-продажи. В его мире «всякая вещь свою имеет цену» (1 неделя), все можно пересчитать и взвесить. Он дарит читателя своим журналом — «подарком невеликой цены», но требует отплаты за нее хотя бы в виде благодарности, ободрения. И как бы следуя удержанной про себя пословице «из благодарности шубу не сошьешь» — Чулков добавляет, что не отречется он и от денег, так как ему не заплачено еще за какие-то прежние труды. В конце 1 недели он заявляет:

«Мы люди не причудливые, не гоняемся за золотом и серебром, примем от тебя и медью, и докажем тебе, что мы благосклонны в то время, когда нам дают деньги».

Друг, у которого он занял деньги, не верит ему без расписки. Он не забывает упомянуть, что платил «собственные деньги» за пускание крови одуревшему от непосильной работы переплетчику, пытавшемуся собрать в один переплет разноформатные листки «Поденщины» (9 неделя). С парикмахером, у которого он хочет учиться премудрости, он должен порядиться, «сколько тот возьмет в месяц за учение» (1 неделя). В 15 неделе есть такой совет: «Впрочем, будь всегда умеренно весел и никогда не печалься, ибо и сточасовую печалью ни одной не наживешь копейки и не оплатишь долгу ни полушки».

По такому же тарифу оценивается Парнас, и вся литература, но уже не в прозе, а в стихах:

«Известие сие во первых я даю,
 Что авторство мое за деньги продаю:
 Копейка мадригал, с полушкой эпиграмма,
 Три денежки рондо, а пять копеек драма,
 Елегия алтын, пять денежек сонет.
 Идиллия хоть грош, полушка за билет,
 Дешевле всех стихов спускаю с рук я оды. . .»
 (Стихи на Семик.)

Сожалел о несчастной участи сочинителя, Чулков восклицает: «. . . Не имею ли я справедливой причины ненавидеть муз, Аполлона и всего Парнасса, из которых произошло всё мое несчастье. Я их любил, и любил бы завсегда, если бы они несколько были

побогатее, а иногда приходит на меня и такое время, что я бы весь Парнасс с музами и с Аполлоном продал за полтину; но та моя беда, что ни один невежда не даст мне за него ни одной копейки» (48 неделя).

Все рассчитано и переведено на денежный счет. Мерой являются рубль и аршин. Чулков часто обращается к этому сравнению. Он меряет «дела аршином, как купец товары» (2 неделя). «Мне кажется, что всякой год уподобить можно аршину. Аршин имеет в себе четыре четверти, а год имеет четыре времени», — говорит он в 46 неделе. И даже фортуна у него «меряет дела человеческие несправедливым и фальшивым аршином» (49 неделя).

«Нет ничего труднее и чуднее в свете, как согласить и подружить тщеславного гражданина с неопрятным крестьянином», — говорит Чулков, отмечая, что, повидимому, нельзя сблизить между собой людей, стоящих на разных ступенях социальной лестницы (16 неделя). Они неизмеримо далеки друг от друга. И тем не менее есть сила, которая может это сделать. «Прибыток имеет силу и все перевершит» — прибыль, доход, деньги, вот действительная сила в этом мире. Перед «неопрятным» крестьянином, имеющим деньги, тщеславный гражданин примет на себя образ крестьянина, а сам крестьянин становится равным боярам — «будет боярином перед боярином».

Тема «деньги» не раз встречается в современной Чулкову литературе.

Панегирик деньгам напечатал Эмин в 37 письме «Адской Почты» (стр. 143): «Деньги, которых отец интерес, а дочь роскошь, все смертные, разумными называющиеся, обожают. Прежде много в свете было идолов, а ныне один. . . Деньги родят дружбу, вечные союзы, и разные между владельцами распри. Они суть то вечное и беспрестанное физическое движение, которым все движется, превращается, беспокоится, приходит в порядок и беспорядок, сехнет, цветет, возрастает и убывает. . .» Но здесь деньги — «кумир священный», очень далекий от будничных расчетов Чулкова, от его рублей и копеек.

Рубан второй лист «Ни то ни сьо» (28 февраля) открыл стихотворением «Деньги»: *

«Можно ли нищество
 Д е н ь г а м предпочесть?
 Д е н ь г и лучше средство
 В свете все обрести. . .
 О, серебро и злато!
 И ты, звонка медь!
 Что у нас отъято,
 Коли вас иметь?» и т. д.

Свой интерес к этой теме Рубан объясняет просто: «У голодного хлеб на уме; а мы недавно выпли из бессеребряного Минер-

виных питомцев жилища, где и слово деньги только в лексиконе видали».

Между тем деньги — «суть точно то орудие, через которое всяк своей страсти (доброй или худой, нам до того дела нет) удовольствие доставить может» (стр. 15).

Курганов в отделе «Писмовника» «Разные стиходействия» также поместил стихотворение «Злато» (стр. 267, 1 изд.; это — стихотворение Хераскова, напечатанное впервые в «Полезном увеселении», 1760, т. I, стр. 161, откуда мы его и цитируем).

«Злато прельщает
 Разумы всех,
 Плод возвращает
 Слез и утех,
 Щастья источник,
 Корень всех бед,
 В нуждах помощник
 В бедности след. . .
 . . . Смертных спасает
 Смертных губит;
 Мир утверждает,
 Брани творит.
 Злато влияло
 В смертных вражду;
 Пользую стало,
 Всем на беду.
 Честь им теряем,
 Честь достаем
 Им умираем,
 Им и живем».

В том же 1769 г. вышли «Философические оды или песни» Михайлы Хераскова. Счастливая умеренность, философское спокойствие, уверенность в бренности материальных благ, наблюдение за жизнью со стороны, воздействие добрым словом на дурные нравы — такова проповедь Хераскова.

«Счастье видишь в полном цвете —
 Сердце оным не круши:
 Счастья нет иного в свете,
 Как спокойствие души».

(На человеколюбие.)

Однако, сознавая всю отвлеченность этих рассуждений, Херасков принужден «вернуться на землю». В идеальный мир врывается практическая жизнь. Рассуждения о тщете богатства заключаются в меланхолической строфой:

«Однако может ли на свете
 Прожить без денег человек?
 Не может, изреку в ответе.
 И тем то наш и скучен век».
 (Богатство.)

Херасков, как и многие другие дворянские писатели, видел воочию власть денег, их силу — и ему это не нравилось. Он знал, хотя и предпочитал не говорить об этом в стихах, что деньги состоят из рублей и копеек. А Чулков говорит об этом с удовольствием, он вполне удовлетворен существующим положением, при котором вчерашний нищий может стать богатым человеком. И в этом существенное различие между ними в самой постановке вопроса. Чулкову чужды отвлеченные умствования и «философские» настроения — он хорошо изучил на своем опыте, что значат материальные блага на «бренном свете».

«Но все, что в жизни ни получим,
 За что, за что себя ни мучим,
 То прах, мечта, пустая тень».
 (Суета.)

Праха, мечта — для Хераскова, но не для неимущего литератора Чулкова, вынужденного собственными силами пробивать себе дорогу в жизни.

В «И то и сьо» Чулков также часто говорит о деньгах. Но это у него не абстрактное «злато», а реальные деньги, состоящие из полупшек, копеек, рублей — таких, которые служат «всеобщим эквивалентом», металлических, полновесных, а не призрачных денег. Это коренным образом отличает мировоззрение Чулкова. Он мыслит практически и привык пересчитывать на деньги все явления окружающего мира.

По мнению Хераскова:

«Не делает мне злато друга;
 Не даст ни чести, ни ума;
 Оно есть яд земного круга;
 В нем скрыта смерть и влость сама».
 (Злато.)

А Чулков в своем журнале доказывает на примерах, что злато — а именно пятьсот рублей — даст ум, образование, которое можно получить, наняв учителей, что деньги возвышают крестьянина и делают его боярином, что злато — не яд земного круга, а чудодейственный эликсир, центр и ось земной жизни, что «прибыток имеет силу и все перевершит». И своему сыну Владимиру Чулков завещает быть «достойным наследником отцовского имени, приобретенного им неусышными трудами. . .»

Новое конкретное содержание темы не укладывается ни в оду, ни в эклогу. Чулков обращается к новелле. «Письмо странствующего молодца» в 4 неделе «И то и сьо» отнюдь не романтическая история — это описание уголовного дела. Сын богатого купца, наскуча боями в родительском доме, где он жил больше невольником, нежели сыном, «посетил шкатулку родителя и поубавил из нее несколько тягости». Он сейчас же уехал за границу; к нему вошел в дружбу некий плут. Вместе с аферисткой, назвавшейся его женой, он подпоил купчика и заставил его подписать вексель на 300 р. Эти деньги пришлось заплатить через суд.

Во второй неделе Чулков рассказывает похожую биографию. «Некто гражданин» имел сына, горячо стремившегося к наукам. Скупой отец, вместо книг, угощал его ремешком плетью. «Расплаканный» после побоев, «молодчик» ограбил родительскую кассу, взял 500 рублей и импералов и уехал в Киев. Там он достал учителя и обучился всему, чему хотел — латинскому, греческому, французскому, немецкому и итальянскому языкам. «Одним словом, детина сделался столько разумен, что и сто рублей ему не цена».

«От препятствия возрастает в людях охота», — говорит Чулков и одобряет такой путь овладения наукой. А вот странствующий молодец не умел истратить свои деньги на образование. Просвещение молодежи, порицание недальновидных родителей — такова мораль из рассказов Чулкова.

Но мораль эта подается незаметно, ненавязчиво, не в виде проповеди; новеллы Чулкова щедро снабжены бытовыми подробностями, так же, как многие повести «Пересмешника» и «Пригожая повариха». Часть эпизодов, несомненно, носит автобиографический характер («Был некто гражданин» — 2 неделя, рассказ об учении в 42 неделе). Язык Чулкова, бойкий и острый, напоминает разговор. Он осознает свою связь с бытом и подчеркивает ее.

3

Ряд исследователей русской журналистики, начиная с Афанасьева и Булича, отмечали, что в журнале «И то и сьо» сатирический элемент не столь заметен, как в «Смеси» и «Трутне». В журнальном обозрении «Московского Телеграфа» за 1827 г. (ч. XVIII, стр. 85) журнал «И то и сьо» назван «легким литературным», в противоположность «сатирическим изданиям» — «Адской Почте», «Живописцу» и др. И это безусловно верно. Ничего похожего на знаменитую переписку Фалалея с родными в «Живописце» или переписку старосты с барином и сатирические извещения «Трутья» — мы у Чулкова не встретим. Далека от него также глубокая и умная сатира «Адской Почты». Наболевших общественных вопросов Чулков в своем журнале не касается. Его полемический пыл обращен в сторону литературных противников. Он воюет против «плохих стихотворцев», высмеивает их всеми, подчас очень грубыми, средствами. За этой, на первый взгляд, отвлеченной полемикой стоит острая литератур-

ная борьба, спрятанная за «невинными» шутками так, что журнал Чулкова читается как бы двойным образом. Можно воспринимать его просто как материал для чтения и можно раскрывать намеки автора и разгадывать его загадки. Но что уколы Чулкова попадали в цель и не оставались незамеченными, показывают хотя бы ответы на них Сумарокова.

За вычетом литературной полемики, занимающей в журнале значительное место, в нем остаются традиционные нападки на подьячих, на петиметров, на суеверия. Крестьянского вопроса Чулков не затрагивает вовсе.

Направление журнала «И то и сьо» было довольно явственно высказано автором в первой же неделе: «. . . Я пишу на произвольящего, ни о ком самолично не говорю и никого именем не называю, меряю дела аршином, так, как купцы товары и оцениваю их не слишком дорого, за смехом за море не езжу, а шучу около себя, вреда и убытку не наношу моему отечеству, наук не ломаю и языка нашего не порчу, таким образом опасаться меня не должно».

Чулкову чужд учительный тон, который с самого начала взяла на себя официальная «Всякая Всячина».

Чулков жалит — и иногда очень больно — современных писателей, высмеивает петиметров, суеверов, но как все это не похоже на меткие удары новиковской сатиры! «Ветренные господчики по смерти своих родителей проигрывают в карты деньги и собирают в один год по три оброка, отчего крестьяне разоряются и земли не пашут», — такое указание у Чулкова одно на весь журнал (29 неделя). А у Новикова их десятки.

Расходится он с Новиковым и во взгляде на характер сатиры, приближаясь к позиции «Всякой Всячины», требовавшей осторожности, «улыбательного духа» и устранения резких личных намеков: «В сатире описываются такие пороки, которые свойственны по большей части многим людям. Надобно весьма остерегаться, чтоб делая кому примеры не указать на того человека, которого вознамеришься описывать пороки» (И то и сьо, 36 неделя).

Чулков не отваживается принять на себя «титул народного учителя» — «потому что я не достоин и сверх же того учить людей не умею, для той причины, что я и сам середка на половинке» (3 неделя). Он высмеивает автора «Поденщины» В. Тузова, которого подозревает в том, что тот намеревается «учить народ», и не одобряет ожесточенных нападков Новикова, называя их «ругательствами». Автор же, казалось Чулкову, объявил себя «врагом рода человеческого» (28 неделя). Полтика Чулкова была иная. Он уклонялся от прямого боя, говорил намеками и иносказаниями, прибаутками и пословицами.

От Новикова и Эмина его отделяет очень большое расстояние. Эмин был европейски образованным журналистом, опытным автором и переводчиком. Новиков уже в те годы горел жаждой общественного служения. Свое желание быть полезным обществу он сформулировал в предисловии к «Живописцу». Новиков секретар-

ствовал в Комиссии о среднего рода людях при Комиссии по составлению нового уложения 1767-1768 года. Голоса Коробьина, Козельского и других либералов не прозвучали для него впустую. Речь шла о том, чтобы утвердить законом «собственное рабов имущество», зафиксировать количество дней отработки на барина и труда крестьянина на себя и т. д., причем поводом для этих предложений послужило установление причин бегства крестьян от помещиков. Земледельцы, по Коробьину, были «душой общества»; вот что говорил он в речи от 5 мая 1768 г.:

«Поэтому не трудно теперь усмотреть можно, что причину бегства крестьян по большей части — суть помещики, отягощающие их столь много своим правлением. . . Итак, если бы всякий из владельцев известен был, что он не более от своего земледельца потребовать может, как только то, что законами предписано, то сим бы образом, кажется, могли пресечься те злоупотребления. Чего ради оное начало, от которого столь вредные происходят следствия, состоит в неограниченной власти помещика над именьями своего крестьянина, и для того всячески трудиться должно разрушить сие начало» (Сборник Исторического общества, XXXII, 1881 г., стр. 408).

Эти речи вызвали обширные возражения со стороны консервативного дворянства, представителем которого наиболее активно выступил М. Глазов, и ядовитую отповедь М. М. Щербатова. Но выступление Коробьина имело успех. Это показывают результаты баллотировок, во время которых Коробьин собирал рекордные количества белых шаров. Близко к Коробьину стояла сумароковская группа — Нарышкины, Ржевский, Домашнев, Приклонский и др. с Н. И. Паниным во главе.

В своем отношении к крепостному праву Новиков приближается к этой группе. Он считает необходимым ограничить помещичий произвол, картины которого не раз дает в своих сатирических журналах. Но, как и у сумароковцев, у него не возникает мысли о предоставлении крестьянству каких бы то ни было политических прав.

Далек Новиков и от антифеодальных высказываний, раздававшихся в комиссии 1767-1768 года. Выступавший там неоднократно дерптский «от города» депутат Яков Урсинус заявлял, что дворянство не должно быть наследственным, и соглашался на это, только уступая «человеческой слабости» (Сборник Исторического общества, XXXII, 1881, стр. 188). Радикализм Новикова и его связи с буржуазным мировоззрением (начало издательской деятельности, дружба с Эминым, впоследствии грандиозный размах Типографической компании, обслуживание третьесословного читателя) не шли так далеко. Его борьба с галломанией в значительной степени была направлена против просветительной философии; без всяких оговорок Новиков выступает только против бюрократии.

Оппозиция Новикова была умеренна — и все-таки она имела громадное прогрессивное значение.

Труднее поддается расшифровке позиция Эмина, одного из первых представителей буржуазной мысли в России. Несмотря на свое утверждение — «купечество есть душа государства», что во времена господства органической теории государства имело серьезный политический смысл, — Эмин отнюдь не порывает с дворянством. Сочувственные строки об английском парламенте не мешают ему заноситься перед аристократической дворянской средой. Но на ряду с этим Эмин критикует общественные пороки и дружит с Новиковым. Сатира «Адской почты» имеет принципиальный характер. «Бесы» оказываются дальновидными и острыми наблюдателями, и их непринужденные беседы служат сатирико-политическим помесечным обзором международной и внутренней русской жизни.

У Чулкова не было публицистической страстности и идейности Новикова. Он не выходил на главную дорогу общественной жизни, а брел вдоль ее, в стороне. Кругозор Чулкова ограничен. Общественные проблемы его не волнуют. Тематический охват журнала узок. Чулков живет своими мелкими, личными интересами. Он наблюдает жизнь, но как эмпиричны его наблюдения, как мало он обобщает и осмысливает их!

Чулков понимал свое положение в литературе. Понимал его и Новиков, когда распределил журналы и журналистов 1769 года по их задачам: одни прославляют добродетель, другие обличают порок, а третьи «малосмысленным людям рассказывают сказки». К последним принадлежал Чулков. Но он не мог обидеться на эту характеристику — он ее добивался.

4

Неправильно было бы сближать Чулкова с представителями сумароковской, господствовавшей тогда, литературной школы. Они еще дальше от Чулкова, чем Новиков и Эмин. Между тем поэмы Чулкова были напечатаны в собрании сочинений Майкова, и понадобилось много лет, чтобы выяснить ошибку. В последнее время мысль о близости Чулкова и Майкова была высказана в статье В. А. Десницкого в сборнике «Ирон-комическая поэма» (Библиотека поэта под ред. М. Горького. Изд. писателей в Ленинграде, 1933). На самом же деле творчество Чулкова и Майкова — явления самого различного порядка, враждующие между собой. Чулков высмеивал Майкова и пародировал его поэму «Елисей», а Сумароков, в свою очередь, пародировал Чулкова.

Мнение о том, что в стихах Чулкова есть намеки на «Елисея» и, стало быть, что «Елисей», вышедший в 1771 г., был до этого распространен в рукописи — не ново; оно высказано Л. Н. Майковым, Афанасьевым, Ляшенко и др. В последнее время Б. В. Томашевский подверг его — правда, осторожной — критике, считая, что пародийные выпады, встречающиеся в поэмах Чулкова, лишь случайно совпадают с текстом «Елисея» (Ирон-комическая поэма,

стр. 712). Для доказательства своей мысли он обращается к черновым наброскам Майкова. Ход его рассуждения таков. На одном из листов майковского архива, хранящегося в собрании Публичной библиотеки, имеются первоначальные наброски стихов первой песни «Елисея» — первые четыре строки, затем строки второй песни 289—292 («Среди побоища, среди кровавой сечи. . .») и 243—250 («Начальник наша ямския слободы. . .»). «На том же листе, — продолжает Б. В. Томашевский (стр. 752), — наброски, относящиеся, между прочим, к оде на взятие Бендер (происшедшее 26 сентября 1770 г.). Это позволяет датировать работу над первыми двумя песнями „Елисея“. Она относится, очевидно, к октябрю или ноябрю 1770 г. Таким образом подвергаются сомнению догадки о том, что „Елисей“ мог упоминаться ранее этого времени».

Б. В. Томашевский, оперируя терминами «страница» и «лист», не указывает ясно, что наброски бендерской оды идут на одной стороне, а наброски «Елисея» — на другой. Пример хотя бы пушкинских рукописей показывает, как часто на одном листе и даже на одной странице уместаются наброски произведений разных годов. Весьма вероятно, что именно так обстоит дело и в данном случае — один лист заполнялся Майковым в разное время; но в какое именно? Б. В. Томашевский не упоминает о том, что на странице с набросками «Елисея» имеется еще один отрывок:

«Договоры вы мирные помните
И с Россией союза не рушите
Что один есть на свете неверный царь
Он разрушил с Россиею вечный мир
Раздражил тем царицу российскую
И подвиг на себя силу ратную».

Этот отрывок, идущий первым, впереди «Елисея», является частью неоконченного стихотворения «Во златой век на Севере», напечатанного на стр. 502—503 изд. соч. В. Майкова под ред. Ефремова (1867 г.). В нем описывается, как

«Посреде лета красного,
При Хотине при городе,
На берегах у Днестра реки
Не две тучи сходилися,
Что сходились две армии —
Со Российской Турецкая».

Сражение при Хотине, выигранное русскими войсками, произошло 29 августа 1769 г.

Отрывки эти, написанные былинным стихом, не сходятся между собой по метру. Но находящийся на интересующем нас черновом листе отрывок тематически повторяет ту же мысль:

«Возгордясь Мустафа султан
 Изменил слово верное
 И нарушил с Россией мир» и т. д.

Можно считать, что оба отрывка, напечатанные Л. Н. Майковым вместе, несмотря на их метрическое несходство, являются вариантами неоконченного стихотворения о Хотинском сражении. Один из них более разработан, другой менее, но готовились они для одного задуманного произведения. Это подтверждает предположение, что страница с набросками «Елисея» относится к 1769 г.

На обороте листа находятся пять набросков. Два из них представляют собой варианты 9-й строфы оды на взятие Бендер, третий — шесть строк шестой строфы той же оды; два последних не относятся к этой оде, они не печатались нигде и грудно их отнести с определенностью к какой-либо оде. Строфы бендерской оды не содержат в себе точных указаний на описываемые в окончательном печатном тексте события («Сожгли турецкий флот Орловы», «Уже рассыпались Бендеры» и т. д.). В них идут «общие» восклицания:

«Зри бедствия неизреченны
 О Мустафа ожесточенный
 Познай создателю власть
 (Уже на суше и на море)
 Твоя судьба решится вскоре
 Уже на суше и на море
 Твоя соделалась напасть
 Отвергни гордость и упорство
 Не жди льстецов своих защит
 Яви России ты покорство
 Оно едины есть твой щит».

Сходные места есть и в оде на взятие Хотина:

«Византия увидит вскоре
 В себе Екатерины власть.
 Тебе на суше и на море
 Уже готовится напасть» (стр. 6).
 «О Мустафа, ты в злой напасти
 Спеши к ногам ее упасти» (стр. 3).
 «Познай льстецов своих обманы» (стр. 5).

Строфа в обеих одах одинакова; приведенная цитата из бендерской оды могла с равным успехом входить в оду на взятие Хотина и обратно; шестая, например, строфа этой последней совершенно подходит по замыслу и тону к оде бендерской. Возникает мысль о том, что вся страница представляет собой «заготовки» Майкова к различным одам. Весьма похоже, что это именно так и есть, и тогда весь лист можно отнести к 1769 г.

Чтобы проверить это предположение, рассмотрим другой автограф Майкова, из собрания Пушкинского дома, которого Б. В. Томашевский в своих примечаниях не рассматривает. На одной стороне листа находятся наброски строк 13—24 4-й песни «Елисея» («Не штука например в Париже побывать» . . .), а на другой наброски 8-й и 9-й строф оды «Война». Эта ода была напечатана в журнале «Вечера» в № 2 за 1773 г. Казалось бы, что это является достаточным основанием для того, чтобы отнести ее написание к 1772—1773 гг. Но, во-первых, отсюда вовсе не определяется датировка написанных на другой стороне отрывков «Елисея» — он целиком был издан уже в 1771 г., а во-вторых, и отнесение «Войны» к 1772—1773 гг. может быть также оспорено.

Вся ода носит ярко выраженный пацифистский характер, в ней прославляется счастливая «древность», не знавшая «вражды и гнева», и содержится описание ужасов и жестокостей войн. К какому году отнести написание этой оды? В ней отсутствуют конкретные имена и факты; однако ода содержит в себе косвенные указания. Рассмотрим последнюю строфу. «Несчастных смертных род», изнемогающий от войн, обращается к богу:

«Простри свои святые длани,
Смири неправедные брани,
Мятежи скоро утиши
И гордых мышцы сокруши.
Кто ближе всех к тебе душею,
Тому во власть меня вручи,
Да он десницею своею
Сотрет враждующих мечи.
Премудрая Екатерина
Сего достойна лишь едина,
Из смертных равного ей нет,
Вручи во власть ее весь свет».

Речь здесь идет — и довольно прозрачно — о польских событиях 1768—1769 гг. Борьба правительства, конфедератов и гайдамаков, польская «смута», резня и погромы, носившие грандиозный характер и отличавшиеся невероятной жестокостью, составляли исторический фон майковской оды. Россия ввела в Польшу войска, начавшие усмирение восстания. Об этом и говорит Майков: «сотрет враждующих мечи» «десница» российской правительницы, и «несчастный смертных род» — поляки, испытавшие ужасы «мятежей», должны быть вручены ей во власть. Польскую гражданскую войну Майков называет «неправедной бранью». Этих слов он никогда не употребил бы по отношению, скажем, к русско-турецкой войне.

Таким образом ода «Война» должна быть отнесена ко времени 1768—1769 гг.¹ Несмотря на свой актуальный антипольский

¹ Злободневный отклик на польские дела есть и в «Адской почте» Эмина (стр. 133), в «Адских Ведомостях»: «Из Тартаров. Множество поляков в сей

характер, она не могла быть напечатана своевременно: пацифистский элемент слишком перевешивал, а война с Турцией уже началась.

Стало быть, датировать «Елисея» 1770 г., исходя из разбора автографов Майкова, — нельзя. Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что с гораздо большей уверенностью работу над «Елисеем» следует отнести к 1769 г.¹

Рассмотрим теперь намеки Чулкова в его поэмах, которые можно отнести к «Елисею», и встречающиеся в них совпадения. Они существуют уже в «Стихах на качели», напечатанных в 16, 17 и 18 неделях «И то и сьо» (апрель—май).

«О вы, преславные творцы Венециана,
Петра влзтых ключей, Бовы и Еруслана!»
(Елисей, 2-я песнь)

— пишет Майков, повторяя традиционное для дворянской литературы (ср. «Епистолю о стихотворстве» Сумарокова) обращение к «низшим», лубочным книгам. Говорит о них и Чулков:

«Я смыслю все, всю прозу уморю
И храброго «Бову» в поэму претворю.
«Петра влзтых ключей» сказание нескладно,
Но с рифмами его в стихи поставлю ладно».
(Стихи на качели.)

Но у Чулкова, тесно связанного с такого рода литературой, эти и последующие стихи звучат по-иному. Для него это живые и близкие книги, с которыми связана вся его литературная деятельность.

город прибыло и еще больше их с часу на час привозят. Война причиной их к нам переселения. Большая часть их называется конфедераты и оне все дворяне» и т. д.

¹ Что в тексте поэмы может противоречить этому предположению? Завязка «Елисея» построена на повышении цен на водку в связи с введением откупов, о чем объявлял манифест 1 августа 1765 г. «Откупная система, — как пишет Б. В. Томашевский (стр. 710), — была введена повсеместно, кроме Сиббири, в 1767 году. . . Цена эта (на водку. А. З.) росла все время. В 1762 году цена была 2 р. 23½ копейки с ведра. В 1763 году цена увеличена на 30 коп., а в 1770 г. доведена до 3 р.» Однако едва ли именно последняя надбавка послужила поводом для завязки «Елисея». Тенденция была ясна и раньше, т. е. в связи с повышением цен на водку распространялись задолго до опубликования официального распоряжения, так что и в 1769 г. Майков мог строить завязку «Елисея» так же, как сделал бы это он год спустя.

Вторым возражением может послужить ссылка на строки Майкова: «И так не льстись теперь на помощь ты мою, — говорит муза, — я битву Чесмскую с Херасковым пою» (начало 5-й песни). Чесмское сражение происходило 24—25 июня 1770 г., свою поэму Херасков издал в 1771 г. Но, во-первых, кусок с упоминанием имени Хераскова является авторским отступлением, не связанным с ходом развития поэмы и мог быть вставлен позднее, а во-вторых, все это относится к 5-й — последней — песне и ничуть не противоречит факту существования первых 4 песен уже в 1769 г.

К Майкову же относятся, повидимому, и такие строки:

«Овидия себе в наставники избрал,
 Который никогда, как думаю, не врал,
 Писал он хорошо, остро, замысловато,
 А я переводил гораздо плоховато. . .
 Латинский мне язык и русский неизвестен,
 Других не знаю я, а прочих не учил;
 Однако лишь перо в чернила омочил,
 То вздумал о себе, что есть во мне примета,
 Такая, что мне быть учителем полсвета,
 Так должно ли мне в чем последовать кому. . .
 . . . Учиться не хотел, как выступить мне в люди
 И бубны принимал не ведая за ялуди».

(Стихи на качели.)

«Плачевное падение стихотворцев» посвящено не одному Эмину. В поэме, повидимому, дается комбинированный портрет литературных врагов Чулкова. Во всяком случае, строки:

«Я дам свободный путь пресветлому уму
 И следовать ни в чем не буду никому.
 Во всех писателях велики зрю пороки,
 Они неправильно свои водили строки», —

относятся к Майкову, получившему уже такую же характеристику в «Стихах на качели». О Майкове же и его «Елисее» говорится и в следующих строках:

«Подвигни и меня с тобой поплакать ныне,
 Понеже я стремлюсь к Парнасской твердыне,
 Которую пиит в стихах поколебал,
 И в Ипокренский он источник наплевал.
 Смutil в нем чистые и ясные он воды,
 В сии текущие и памяты нам годы».

(Пл. п. стих., 1.)

«Текущие годы» указывают на злободневность парнасских событий, а «поколебал» в стихах «твердыни Парнасса» не кто иной, как Майков. Его же имеет в виду Чулков и дальше:

«Писатели стихов схватили тут привычку
 И рядят для того Венеру в бабью кичку,
 Юнону наподхват описывают так,
 Что будто бы платок повязан на колпак.
 Юпитер в сапогах со скобками гуляет» и т. д.

(Пл. п. стих., 2).

«Потом я затацил в харчевню весь Парнас;

Минервин на гумне послышался мне глас;
 Церера на грядках крапиву во щи полет,
 Юпитер на дворе дрова из платы колет. . .
 Юнона на реке колотит холст вальком,
 Нептун из пролуби выходит гогольком,
 В ямщичьей шапке Марс на одноколке рыщет,
 Буянит он, кричит и по бурлацки свищет.

(Стихи на качели.)

Стихотворца, перерядившего богов в костюмы русских крестьян, изображал Чулков и в «Стихах на качели». Именно это место и дало повод к поискам связи между стихами Чулкова и поэмой «Елисей». Трудно допустить, что здесь отсутствует переключка с Майковым. Слишком похожими выглядят боги и смертные в этих произведениях. Укажем еще на некоторые совпадения:

«Я в Питере живу без собственна подворья,
 А в Питер перешел я жить из Зимогорья. . .
 А наши пажити, как всем сие известно,
 Сошлись с валдайскими вадами очень тесно»,—

пишет Майков во 2-й песне. Эти места — Валдай и Зимогорье в XVIII в. имели определенное значение и служили синонимами очагов разврата и проституции. Своего стихотворца Чулков обвиняет именно в том, что

«Валдайских девушек он в мимфы превращает,
 Из Зимнегорских баб Помону выбирает».

(Пл. п. стих., 2.)

У Майкова же действует Церера — богиня земледелия, которая жила «изряднехонько» и «трудилась на гумне с сосновым молодылом».

Совпадают и детали:

«И словом, чтоб мои богини и божки
 Изнадорвали всех читателей книжки»

(Елисей, I)

«С Олимпа слышен глас, как будто грянул гром,
 То сделался тогда между богов содом,
 Увидевши сие все вдруг захохотали;
 Животики они, там стоя, надрывали. . .»

(Пл. п. стих.)

«Ирон-комический» момент не является в поэмах Чулкова организуемым: он проходит, уступая место различным бытовым картинкам, полемическим выпадам, пародийным намекам и т. д. Чулков писал их для журнала — он хотел прежде всего «повеселить куму»

и старался для своего читателя. Балагурство, пословицы, шутки перемежаются с точными описаниями народных праздников, с песнями, с рассказами об обычаях и суевериях. Множество бытовых наблюдений разбросано по этим страницам. Черты эти выглядели чрезвычайно свежо на фоне стихов Ломоносова и Сумарокова. «Но что еще я зрю, какая эта туча? Великая лежит яиц в народе куча. С пригорка покати́т веселый молодец» и т. д. (Стихи на качели).

Там же описание кулачного боя. В «Стихах на семик»: «Там сделан огород, березки все в кругу, верхушки же у них согнуты все в дугу. В середине стол стоит без скатерти поставлен» и т. д. Чулков описывает это как очевидец и участник. Майков же смотрит на народный быт сверху вниз. Он также много и верно наблюдал; ряд известных мест из «Елисея», удачно приведенных в статье В. А. Десницкого, дают точную и правдивую картину рабочего дома, тюрьмы, кабака, деревенской драки и т. д. Именно эти черты роднят Майкова с «третьесословной литературой», но его ни на минуту нельзя заподозрить в сочувствии своему герою. Майков до конца остается баринoм, в хорошем настроении любующимся на потасовки, которые устраивают между собой мужики. Это очень смешно, но в конце концов надоедает. И вот Елисей отдается за свои проказы в солдаты — тоже совершенно жизненное положение. В поэме Майкова нет дворян — появление их неизбежно означало бы посрамление Елисея и тем самым конец повествования.

В. А. Десницкий считает, что Майков дает в сатирическом показе «представителей третьего сословия, образ жизни которых не соответствует формирующейся буржуазной идеологии» (стр. 59 предисловия к «Ирой-комической поэме»), что в борьбе «с недостатками и пороками третьего сословия В. Майков, напр., иногда поднимается до учительного патетического тона» (там же). Думается, что дело обстоит несколько иначе. Майков при всей своей кажущейся «третьесословности», до конца остается дворянином, и откупщик, превосходный портрет которого он рисует в поэме, для него враг. С одинаковым успехом можно считать сатирой, исправляющей нравы третьего сословия, и стих Сумарокова: «Ворам сатира то: веревка и топор».

5

Таким образом приведение к одному знаменателю Чулкова и Майкова является попыткой несостоятельной. И дело не только в несходности их биографии, не только в том, что сами они осознавали свои различия и Чулков пародировал «Елисея», а в самом характере творчества, в характере идеологии.

Сказанное может бросить известный свет и на отношения Чулкова к Сумарокову. Нападки Чулкова на Майкова, в частности, на «Елисея», были приняты Сумароковым как личная обида. В стихах Чулкова можно найти многочисленные пародии на излюбленные сумароковские жанры:

«Затеял всякий час стопами воздыхати,
 Мне вздумалось в стихах для рифмы умирати:
 Я в сутки раза три иль больше в ад сходил,
 Нередко и свою любовницу водил».

(Стихи на качели.)

«Еклоги были мне за первый в том предмет,
 Я ими удивить намерился весь свет,
 Зимой украшал долины я цветами,
 Медведи за овец паслися там стадами. . .
 Пастух под деревом на стуле заседает,
 На место всех забав он лапты ковыряет. . .» и т. д.

(Там же.)

Протестует Чулков и против пышности и звона стихов, против космических масштабов «знакомцев Пиндара». Он точно определяет свою задачу:

«А я не для того касаюсь ефиру,
 Чтоб взять вмещенную между звездами лиру,
 Что прибыли мне в ней: не знаю, как играть,
 Так следовательно не надобно и брать».

(Там же.)

В этом нападении Чулков, и здесь не забывший упомянуть о прибыли, объединил без различия Сумарокова, Ломоносова и В. Петрова — всю торжественную одическую поэзию.

В этом же плане следует рассматривать и заметку Чулкова: «Вот как отказываются от благополучия», помещенную в 42 неделе «И то и сьо». Там описывается, как к сочинителю пришла барыня и попросила его написать за плату стихи на смерть постельной собачки. Это не было удивительной просьбой: богатые покровители поддерживали существование поэтов и могли потребовать от них выполнения любого заказа. И мало ли было написано различных слезных эпитафий собачкам и торжественных надписей на самые пустяковые семейные случаи. Но Чулков отказался и не соблазнился возможным «благополучием». «Извольте съездить к тому, которой принимает за всю и говорит, что он всю знает, так нам уж после его ничего не осталось», — сказал он, т. е. отправил барыню к поэту, для которого писание всякого рода стихов по заказу было делом обычным. Метил при этом Чулков, может быть, в самого Сумарокова.

Классовые третьесословные тенденции Чулкова прощупываются здесь достаточно отчетливо, и слова В. А. Десницкого о непочтительном отношении к «героическому» началу, идейно организовавшему дворянскую литературу (стр. 46), в применении к Чулкову совершенно справедливы.

Между тем, что делал в «Елисее» Майков, и поэмами Чулкова — была ощутимая для современников разница. Думается, что мнение

В. П. Семенникова о близости Чулкова к Сумарокову, высказанное им в книге «Русские сатирические журналы», значительно преувеличено. Стремление к «народности» еще не объединяет их: шли они с разных концов, с разными намерениями и настроениями. Трудно называть Чулкова и союзником Сумарокова, — даже в кавычках, как это делает Н. Харджиев в заметке при публикации неизданной комедии Чулкова «Как хочешь назови» (Литературное наследство, № 9—10). Чулков в 5-й и 6-й неделях «И то и сьо» печатал Сумарокова, но и только. Для молодого журналиста было чрезвычайно важно заручиться сотрудничеством признанного главы современной литературы, и он сделал это с большой ловкостью. Он взял у Сумарокова «Рассуждение о всегдашней равности в продаже товаров» — статью на «купеческую» тему, и ответ «Всякой всячине» с защитой татар от обвинения в порче русских нравов. Разумеется, Сумароков не мог для журнала изменить свою непримиримую позицию по отношению к купечеству. Достаточно было того, что он высказался о купцах без особенно злобных проклятий.

Могли ли подобные отношения между Чулковым и Сумароковым помешать их взаимной вражде? Полагаем, что нет. Во всяком случае, после 1769 г., т. е. после выхода Чулкова на литературное поприще, отношения эти быстро портятся, и авторитет Сумарокова не очень заботит Чулкова.

У многих исследователей, в том числе и у В. П. Семенникова, заметна уверенность в том, что Чулков заискивал перед «Всякой всячиной», зная, подобно остальным журналистам, о составе ее редакции. Действительно, в 3-й неделе он помещает письмо «Государыня моя Всякая Всячина», в котором называет ее родною сестрою, извиняется в том, что раньше «не сделал почтения» и заявляет, что будет ей во всем следовать. «Всякая Всячина» промолчала о рождении «И то и сьо» и выразила свою радость по поводу появления «Ни то ни сьо», журнала Рубана. Очевидно, Чулков «не уместил» с самого начала. На стр. 73 «Всякой Всячины» мы встречаем упоминание о каких-то проступках «И то и сьо» «противу матери»; попытка назвать «Всякую Всячину» родною сестрой, т. е. встать на равную ногу — сразу же отведена. «И то и сьо» в 5-й неделе спешит согласиться с письмом А. В. Храповицкого о комедиях Лукина и на некоторое время отношения, повидимому, стабилизируются.

Но Чулков не забыл обиды. В 28-й неделе он очень непочтительно заявил, что «Всякая Всячина» начала учиться «лягушачья языка», а в последнем номере подвел итог в рассказе о том, как «некий мальчишка» бранил современные журналы. Цитата звучит очень резко: «Другие же журналы, — продолжал он, — никуда негодны, выключая Всякую всячину, она одна только почтения достойна. Много было тут людей разумных, однако, никто не хотел ему противоречить, почитая его совершенным дураком, по преданию: не рассыпайте бисера перед свиньями, да не попрут его ногами» (51—52 недели).

После такой откровенной аттестации становится трудно говорить о «заискивании». Близость Чулкова ко «Всеякой Всеячине», как и к Сумарокову, — только кажущаяся. Майков, не раз заявлявший о своей приверженности к сумароковской школе, был злейшим врагом Чулкова. И Сумарокова вывела из себя не поэма «Елисей», а «Плачевное падение стихотворцев», несмотря на то, что в «Елисее» проведено достаточно сильное «снижение» олимпийского величия богов. «Елисей» был для Сумарокова «своей» вещью, а поэмы Чулкова — враждебным выступлением «придворного лакея».

Вот как Чулков описывает Юпитера:

«Восстал он посреде, где боги и богини
В то время кушали привозные к ним дыни
И только лишь кусок он дыни прожевал,
Чувствительно тогда Юпитер задрожал. . .»
(Пл. и. стих., 2.)

Это место имеет в виду IV стих эниграммы Сумарокова:

«Окончится когда ль Парнасское роптанье?
Во драме скаредной явлюсь воспитанье:
Явилось еще сложение потом:
Богини дыни жрут; Цегас стал видно хром.
А ныне етот копь шатааяся, тупея
Не скачет, не летит, ползет, тащит Помпея».
(1-е изд., т. IX, стр. 178)

За эниграммой последовала басня «Парисов суд»:

«У парников сидели две богини
Чтоб их судил Парис, а сами ели дыни:
Российской то сказал нам древности толмач
И стихоткач;
Который сочинил какой то глупый плач,
Без склада
И без лада».

Дальше, пародируя Чулкова, он пишет:

«Юнона подавилась.
Минерва
Напилася как сержва» и т. д.
(1 изд., т. VII, кн. 6, притча 52.)

Но этим Сумароков не ограничился. В 1770 г. Чулков издал «Собрание разных песен», куда включил и некоторые песни Сумарокова, приложив к ним редакторскую руку. Это вызвало гневный укор Сумарокова в предисловии к «Дмирию Самозванцу» (1771): «Подъячему соплетать похвалы вкуса книжничей и господи-

чей московских толь мало вместино, коль непристойно лакею, хотя и придворному, мои песни, без моей воли, портить, печатать и продавать».

Таким образом Сумароков не раз пытается ущемить Чулкова, и объяснение этого факта здесь, как и почти во всех других случаях литературной перебранки этих лет, следует искать не в личной вражде литераторов и не в их «плохих характерах». Слишком чужды Сумарокову были литературные взгляды Чулкова, слишком далеко социально находились они друг от друга, и общего языка у них искать нечего.

6

Но был у Сумарокова и еще один литературный враг, ненавидимый ему, примерно, по таким же причинам. Мы говорим о Владимире Лукине, драматическом писателе и переводчике, участнике слагинского кружка и т. д. Лукин гораздо более известен нападками на него сатирических журналов 1769 г., чем собственными произведениями. Между тем он занимает видное место на участке третьесословной литературы XVIII в.

Нам важно здесь подчеркнуть, что к концу 60-х годов XVIII в. этот участок уже существовал, что в ориентации на новую социальную среду Чулков был не одинок, что Сумароков имел все основания тревожиться за судьбы классической дворянской трагедии, творцом которой в России являлся именно он. Буржуазия на Западе создала к этому времени свой новый жанр — слезную драму и широко использовала комедию. В последней, на ряду с сатирическим изображением феодальной действительности, существовали элементы учительства, морализирования, проповеди, обращенные уже к своему сословию. В России в 1760—1770 гг. мы почти не найдем чистых образцов этого жанра, но приближение к ним заметно в драматургической практике Лукина, контуры социальных устремлений которого верно и выразительно очерчены В. А. Десницким в предисловии к сборнику «Ирои-комическая поэма» (стр. 34—36 и др).

В 1765 г. на сцену вышли сразу 4 комедии Лукина: «Мот, любовью исправленный», «Пустомеля», «Награжденное постоянство» и «Щепетильник».

Сумароков в те годы властвовал на русской сцене безраздельно, и Лукин столкнулся непосредственно с ним. Фоном этого столкновения служили различные переводы иностранных пьес: «Привидение с барабаном», «Генрих и Пернилла», «Девкалион и Ширра», «Паша Смирнской», «Обманутый жених», пьесы Мольера и т. д. Тем значительней становится факт, что при самом возникновении русской литературной комедии в ней уже присутствовали недворянские настроения, что с первых же шагов развития внутри нее начинается борьба между дворянским классицизмом и третьесословными устремлениями, находившими выражение в типах, темах, языке комедий и т. д.

Ход и приемы полемики против Лукина в сатирических журналах 1769 г. изложены в единственной серьезной работе, посвященной Лукину, — статье А. Н. Пыпина, приложенной к «Сочинениям и переводам В. И. Лукина и Б. Е. Ельчанинова», вышедшим под редакцией П. А. Ефремова в 1868 г. Против Лукина особенно ожесточенно воевали «Трутень», «Всякая Всячина» и «Смесь»; насмешки над ним есть и в «Пустомеле» и в «Адской почте». Другими словами, главными противниками Лукина, кроме «Всякой Всячины», были Новиков и Эмин. Борьба шла вокруг имени Сумарокова, вокруг проблемы трагедии и слезной драмы. В Лукине видели «единственного хулителя» славного поэта, который находился тогда в ореоле своей славы. Сумароков платил Лукину ненавистью и высказывал ее открыто. По словам Лукина в предисловии к «Моту», «мнимо властный судия в наших словесных науках присуждал меня из города выпнать за то, что я отважился выдать драму пятнактную и тем сделал в молодых людях заразу».

Как же относился к Лукину Чулков?

В «И то и сьо» есть всего один выпад против Лукина — в 5-й неделе помещено письмо «Государь мой А. В.», где содержится похвала письму некоей девицы о Лукине, напечатанному во «Всякой Всячине». Однако письмо это не Чулкова. Его писал Сумароков. Сам Чулков не высказывался по поводу Лукина в своем журнале ни разу. Разумеется, показателем самый факт помещения письма, но, с другой стороны, легко предположить, что Чулкову не по силам было в то время открыто спорить с Сумароковым, сотрудничества которого он добивался, желая обеспечить успех издания. Таким образом «И то и сьо» выпадает из фронта журналов, направленных против Лукина — фронта, в котором принял участие даже бесцветный журнал «Полезное с приятным» (четвертый полумесяц, стр. 13—16, «Читал я в одном сочинении. . .»).

Свидетельством неприязни Чулкова к Лукину считается также неизданная комедия «Как хочешь назови», написанная, как полагают, в качестве пародии на комедию Лукина «Пустомеля». Это мнение отчетливо высказано Н. Харджиевым во вступительной заметке к публикации «Как хочешь назови» (Литературное наследство, 1933, № 9—10, стр. 222—225). Основанием для него послужило упоминание о Чулкове в «Nachricht von einigen russischen Schriftstellern» — 1768 г., где комедия Чулкова названа слабой пародией («critik») на комедию Лукина. Сообщив об этом, Харджиев добавляет: «Указание точное». Несомненно, что автор «Известия» имеет в виду комедию Владимира Лукина «Пустомеля». Для нас ответ на этот вопрос звучит отнюдь не столь категорично, а потому разберем его несколько подробнее.

Прежде всего, сравнение обеих комедий не дает возможности заметить что-либо похожее на пародию. Б. В. Томашевский, оговариваясь — «если доверять „Известию“», — полагает, что «критику» Чулкова можно видеть в утрированном образе болтуна Мамота

(Прои-комическая поэма, стр. 186). Но это остается только «вероятностью» и не подтверждается остальным текстом.

Известно, что Лукин, в своем стремлении к «предложению» иностранных пьес на русские нравы, заменял имена, придумывал отчества: так получались Менандр Васильевич и Софья Менандровна. Он вводил новых действующих лиц, доселе не бывавших на сцене — крестьян и купцов — и заставлял их говорить свойственным им языком, высмеивал перенесение на русскую сцену иностранных обычаев, что выглядело несообразностью (брачный контракт при участии нотариуса). Лукин включал в комедии жалостные, не комические эпизоды, противореча канонам Буало и вызывая негодование Сумарокова.

К 1769 г. пьесы Лукина были широко известны и напечатаны, так что у пародиста была полная возможность блеснуть своим острым оружием. Между тем в комедии Чулкова нет и тени намека на эти особенности пьес Лукина. Даже злополучные «ах» и «как ли ни», восклицания и выражения Лукина, составлявшие излюбленную мишень сатирических изданий 1769 г., не затронуты Чулковым. Он не касается писательской манеры Лукина вообще, и в комедии «Как хочешь назови» выводит совсем других действующих лиц, совпадая с Лукиным в речевой характеристике лишь одного из персонажей — болтуна. Этого Харджиеву кажется достаточным, чтобы признать факт пародии. Но в этом не будет ничего удивительного, если предположить, что и Чулков и Лукин воспользовались одним источником, т. е. что обе пьесы представляют собой различные переделки «Babillard» Буасси.¹ Пародия тут не причем. В 1765 г. Лукин еще не стал той однозной фигурой, какой он сделался впоследствии, а Чулков не был профессионалом-писателем. С таким же успехом можно считать, что многочисленные авторы различных переводов и переделок Шекспира пародировали друг друга, между тем, как все они заимствовали свои произведения из одного источника.

Пolemический тон «Известия» в заметке о Чулкове тоже понятен. Автор его, несомненно, был участником елагинского кружка, знал пьесу Лукина, напечатанную и поставленную на сцене. Ему естественно было увидеть в похожей на «Пустомелю» комедии Чулкова «слабую сатиру» на Лукина. Тем самым крепче утверждалось первенство Лукина и дискредитировался Чулков.

При этой точке зрения может быть изменена и датировка появления «Как хочешь назови». Исходя из того, что эта комедия является пародией на «Пустомелю», появившегося в 1765 г., Харджиев датирует ее 1765—1767 гг. Гораздо правильнее считать, что Чулков написал свою комедию в бытность актером, т. е. до 1765 г., что он

¹ В 1807 г. вышел еще один перевод-переделка этой комедии Буасси: «Говорун», в I действии, г. Буасси, с французского переделано на русские нравы Н. Ильиным. М., 1807 (Сопиков, № 5337). С таким же заглавием в 1817 г. была напечатана переделка Н. Хмельницкого (Смирдин, № 7056; Плавильщиков, № 5610).

не имел в виду пародировать Лукина и своей переделкой рассчитывал пополнить театральный репертуар, достаточно ограниченный в то время. Пьеса его шла неоднократно, опубликование же ее после выхода гораздо более сильной в литературном отношении комедии Лукина «Пустомеля» стало нецелесообразным.

Таким образом у нас нет материала для противопоставления Чулкова Лукину в их литературных и личных взаимоотношениях. Да если бы он и был, это не меняло бы дела. Гораздо существеннее отметить общность ряда черт, роднящих этих авторов. Наличие у них ориентации на собственную, классово-близкую, аудиторию, позволило В. А. Десницкому сблизить их, присоединив к ним и Новикова (Ирой-комическая поэма, стр. 36—38). Не повторяя приведенных в статье В. А. Десницкого параллелей, укажем только на особенности комедии Лукина «Щепетильник».

Для нее, против обыкновения, понадобилось не одно предисловие, а два — автор стремился предварительно высказаться как можно подробнее и защитить свою точку зрения от будущих нападок.

Комедия, по сравнению со своим английским оригиналом, оказалась увеличенной на несколько действующих лиц: появились майор Чистосердов с племянником и двое крестьян — работники Щепетильника. Эти крестьяне — первые на русской сцене, заговорившие простонародным языком, и языком точным. А. Н. Пыпин, сверившись по областному словарю, показал, что особенности их речи — переход «ц» в «ч» и наоборот, употребление «и» вм. «е», «ц» вм. «т» и т. д. — в точности соответствуют говору бывш. Галичского уезда Костромской губернии. Но Лукину все-таки кажется, что он передал их речь недостаточно точно:

«Причиной тому, что я, не имея деревень, с крестьянами жывал мало и редко с ними разговаривал».

Но сразу же он переходит в нападение:

«Полно, у нас не все те крестьянский язык разумеют, которые наделены деревнями; немного сыщется помещиков, в состоянии сих бедняков по должности входящих. Есть довольно и таких, которые от чрезмерного изобилия о крестьянах иначе не мыслят, как о животных, для их сладострастия созданных. Сии падежные люди, живучи в роскошах, нередко добросердечных поселян, для пробавления жизни нашей трудящихся, без всякия жалости разоряют. Иногда же и то увидишь, что с их раззолоченных карет, с шестью лошадьми без нужды запряженных, течет кровь невинных земледельцев. А можно сказать, что ведают жизнь крестьянскую только те, которые с природы человеколюбивы и почитают их равным созданием, и потому и об них пекутся» (Изд. Ефремова, стр. 186—87).

«Кровь невинных земледельцев» — это сказано очень сильно. Животными же считал крестьян не кто иной, как Сумароков. Он смотрел на них, как на низшие существа и не осуждал: таков был естественный порядок вещей. Только дворяне обладают честью и культурой — крестьяне этого не имеют и иметь не могут,

Пьесы о дворянской чести и «должности», о конфликте между разумом и врожденными человеку страстями игрались на придворном театре, директором которого с 1756 по 1761 г. был Сумароков. Лукин же говорит о другом театре и других пьесах. Этот театр на пустыре за Малой Морской посещается «низкая степени пародом», имеющим к нему «великую жадность». Там играют наборщики академической типографии, и актер, изображавший крестьянина, держится за сценой так гордо, как будто бы он играл героя.

И пьеса «Щепетильник» также не похожа на сумароковские вещи.

Герой ее, Щепетильник. — продавец галантерейных товаров, часов, табакерок, пряжек, металлических, фарфоровых и драгоценных вещей, человек с необычайной для купца биографией. Он дальний родственник Стародуму. Честный майор Чистосердов приводит своего племянника послушать его обличительные речи, раскрывающие общественные пороки и слабости. Щепетильник не купец, а отставной офицер и сын офицера, но не помещик.

Отец, терпя нужду, дал ему отличное воспитание, редкое даже для дворянского сына в то время, когда государственных училищ для недворян еще не было. В отличие от «пышных молодчиков» ни Щепетильник, ни его отец не просили для себя никаких наград. С таким характером Щепетильник не мог служить: он видел злоупотребления, говорил правду в глаза своим начальникам и принужден был выйти в отставку.

Очевидно, вопрос о средствах встал для него ребром и он нашел неожиданный выход, сделавшись оригинальным купцом-мизантропом, в глаза ругающим своих глупых покупателей дворян и говорящим им дерзости.

Появление на сцене человека с такой биографией и с таким своеобразным амплуа следует признать знаменательным событием. Сумароковскому презрению к купцам был противопоставлен третьесословный положительный герой, стоящий на голову выше развращенного и пустого дворянского общества. Отсюда понятно, по какой линии шла неприязнь к Лукину, видно, чем прикрыто было наличие классово-сословных противоречий. Нападать на Сумарокова, возглавлявшего крепко сплоченную группу, со своими органами печати, установившимися традициями и вкусами, имевшую членов своих и в Петербурге и Москве — было делом неслыханным. Литературный авторитет Сумарокова охранялся чрезвычайно бдительно. «Синав и Трувор» и «Семира» были вершинами классической драмы в России. Отвлеченная рационалистическая эстетика, абстрагирование от действительной жизни, выведение на сцену постоянных масок, вместо людей, масок, никак не характерных ни для России вообще, ни для современности — все это противоречило литературным взглядам Лукина и вызвало его решительные возражения.

Ему приходилось энергично обороняться. Не имея веса в обществе и необходимых средств, происходя из бедной незнатной семьи (Фонвизин попрекал его породой), он прилепился к Елагину и с его помощью делал карьеру. Но и в елагинском кружке он стоял особняком, отличаясь от его руководителя и от Волковых и от Домашнева и Нартова. Лукин не имел своего журнала, но молчать не хотел. Предисловия его предвосхищают будущие сатирические издания с их полемикой и бытовыми зарисовками. Лукин дает бой своим противникам, подробно исчисляя их нападки и отвечая на ожидавшиеся возражения.

Подобно Лукину поступал и Чулков. Он обращался к своим читателям в предисловиях к издаваемым книгам. Так, в 1766 г., выпуская «Пересмешник», Чулков в предисловии изложил свою характеристику, цель своего сочинения, сделал выпад против любителей иностранных слов и против пересмешников.

Таков состав и предисловия Лукина к «Моту, любовию исправленному», изданному в «Сочинениях и переводах Владимира Лукина» в 1765 г.; и он сообщает сведения о себе, о своих намерениях и литературных взглядах, возражает пересмешникам и просит снисхождения к своим слабостям, что делает и Чулков. Оба они даже употребляют в предисловии одну и ту же поговорку «первую песенку зардевшись спеть». Отметим кстати, что в тексте Лукина есть и еще одна поговорка, а в тексте Чулкова — две.

Сходясь между собой в манере предисловий, во враждебном отношении к нерусским словам и выражениям — они различаются во взглядах на роль и задачи сочинителя. По мнению Чулкова, книга его «неудобна исправить грубые нравы» и будет только полезным препровождением времени. Позднее, в «И то и сьо» он также будет говорить, что не может быть народным учителем. Лукин смотрит иначе. Он надеется — вернее, «не отчаивается» — чтобы его предприятие, «хотя некоторые не сделали пользы и не исправило сердце, подвластных порокам», им обличенным. Лукину свойственно стремление «чистить нравы» и исправлять общество, Чулкову — нет: он развлекает своего читателя и дает ему полезные сведения. На этого читателя-разночинца, купца, слугу, актера, он и ориентируется, в то время как Лукин ориентируется еще на мецената, на покровителя, каким для него являлся Елагин.

«Смешно же и слышать, что уже и Лукин комедию сделал», — говорит выведенный в предисловии к «Моту» Самохвалов. Лукин — «кошенст», человек из низов, пошел в литературу! Чулков, придворный лакей, портит песни Сумарокова! Дворянские литераторы возмутились. В этом поддержали их и представители буржуазии вроде Эмина, подобострастно относившегося к дворянству и власти. Под беспрерывными ударами критики Лукин бросил писать: литературные противники его победили. Последняя вещь его «Задумчивый» вышла в 1769 г. Появившаяся в 1773 г. пьеса «Вторично вкравшаяся любовь», перевод из Мариво, только предполо-

жительно может быть приписана ему. А жил он еще 21 год (умер в 1794 г.). Чулков оказался жизнеспособнее.

7

Таким образом, как автор и журналист, Чулков занимал в современной литературе особое место. Он осознает свое положение, свою связь с лубочной книгой и воюет с дворянской поэтической культурой, выдвигая прозаические жанры, новеллу, очерк, фельетон. Он готов опереться на фольклор, его интересуют этнографические сведения, географические описания.

По своему типу журнал «И то и сьо» значительно отличается от журналов Новикова и Эмина. Ближе всего он подходит к «Писмовнику» Н. Курганова, «третьесловной» книге, сделавшейся паставницей многих поколений читателей. Их связывает общая установка на однородную социальную аудиторию, характер помещенного материала и его расположение, за исключением литературной полемики, необходимой в периодическом издании Чулкова и не нужной «Писмовнику». Вместе с этими книгами в 70-е годы XVIII в. существовал ряд сходных с ними: сборники «Товарищ разумной и замысловатой», «Смеющийся Демокрит», позднее «Любовники и супруги», сборники пословиц, загадок, песен и т. д.

Остановимся подробнее на фольклорном материале, в изобилии рассыпанном на страницах журнала «И то и сьо». Описания святок, гаданий, свадеб посят этнографический характер. Статьи о суевериях и приметах помещались и в других журналах, например во «Всеякой Всеячине», но там они были заимствованы из иностранных сатирических изданий и только отчасти окрашивались местными деталями. Чулков же дает результаты собственных наблюдений. Он монтирует их в свою прозу, как очень часто бывает в «Пересмешнике», но дает и отдельно, иногда перемежая авторскими отступлениями, рассуждениями о бедственной участи русского сочинителя. Интерес к фольклору у него не случаен. Чулков записывает народные песни, пословицы, загадки. Так, в «И то и сьо» включены тексты 21 подблюдной свадебной песни. Собранные им материалы очень подробны и представляли долгое время почти документальный и научный интерес.

О Чулкове, как одном из первых русских этнографов, говорит А. Н. Пыпин в «Истории русской этнографии», едва ли не придавая этой стороне деятельности Чулкова первенствующее значение во всем его литературном наследстве.

Стилистическую манеру Чулкова в «И то и сьо» отличают именно пословицы. Распределены они в журнале неравномерно. В первых пяти неделях их помещено 34, от 6 до 9 в каждой, т. е. почти половина всех напечатанных за год пословиц. В остальных 47 неделях пословицы появляются реже и не более 4 в одном номере журнала. С 5-й недели начинается сотрудничество Сумарокова, окончившееся в 6-й, и Попова, запявшего своими прозведениями ряд

номеров, затем идут стихи самого Чулкова, переводы и т. д. Пословицы употребляются в качестве заголовков, заканчивают отдельные статьи в виде выводов, вводятся как пояснительный текст, точнее передающий авторскую мысль, а иногда вставляются даже «с обратным знаком»: «Итак остался я без денег и не мог уже сказать о себе сей пословицы: у молодца не без золотища».

Стремление к народной речи, к вековой мудрости, заложенной в пословицах, несомненно характеризует тяготение к национальным чертам в творчестве Чулкова. Важно отметить, что он черпает свой запас непосредственно из источника — из «низшей степени народа», в конечном счете от крестьянства, через разного рода купцов, ремесленников, актеров, лакеев и т. д., в обществе которых он провел значительную часть своей жизни. Обращаясь столь часто к пословицам, Чулков как бы придает большую силу своим высказываниям, он устанавливает более тесную связь со своим читателем, подчеркивая, что говорит с ним на одном языке. И этот новый голос явственно слышится в журнале «И то и сьо».

Народность чулковских пословиц станет более заметной, если подобрать подходящий материал для сравнения. Таким материалом может служить труд И. Ф. Богдановича «Русские пословицы», вышедший тремя частями в 1785 г. в издании Академии Наук. (Цитируем по изданию Смирдина, Сочинения Богдановича, т. 1, СПб., 1848.) В предисловии автор говорит, что пословицы вообще «в первобытном их речении, как можно видеть, все они составлены были правильными стихами: ямбом, хоресом или дактилем». Исправив эти пословицы, дополнив некоторые до стихотворной меры и разделив по рубрикам, Богданович издал их, «ласкаясь», что нация «увидит с благоволением изданное в печать собственное сочинение». Разумеется, «нация» здесь понятие чрезчур суженное — оно сводится к дворянскому кругу, и редакторская роль Богдановича переступила должные границы. Он дописывал к пословицам по две и по три строки, загонял их в канонизированные стихотворные размеры, всячески прищипывал и приглаживал острое народное слово, чтобы сделать его приемлемым для сравнительно замкнутой среды избранных своих читателей. Это — дворянская редакция фольклора, и, конечно, Чулков в ней не помещается.

Прежде всего в «И то и сьо» нет ни одной пословицы на «ведущие» разделы «Русских пословиц» Богдановича. Чулков не касается тем «благоверия», «благосердия», «службы государю», «мужества в повиновении высшим» и т. д., которым Богданович уделяет много места, заполняя их скучными тирадами, вроде следующих:

«Не по всякому хотенью,
А по божью изволенью,
В мире есть добро и лихо,
Чтоб мы жили в мире тихо» (стр. 380).

«Добродетель, без битвы, без крови, без брани,
Владеет в народах и платят ей дань».

«Что царю надлежит,
 На огне не горит,
 На воде не потонет,
 Отдай, кто потронет» (стр. 383).

Яркость, меткость, сила народной поговорки безвозвратно утрачивается или предельно ослабляется под пером Богдановича. Чтобы сохранить хоть какой-нибудь характер фольклора и в то же время выдержать «правильный» размер, он прибегает к частому употреблению слов «дескать» и «скать», засоряя этой фальшивой подражательностью народные речения и создавая такие «образцы»:

«Что у кого — скать на сердце лежит,
 Хоть не та дескать речь, да про то говорит» (стр. 431).

Одни и те же поговорки выглядят у Чулкова и Богдановича по-разному.

«Ог прибытку уста плаголют» — говорит Чулков (1 неделя). Богданович передает это следующим стихом:

«Избыток уста отверзает,
 И честь де-скать разум рождает;
 А горе на горе нуждает
 И весь де-скать ум погубляет» (стр. 408).

К поговорке «Повинную голову и меч не сечет», приведенной Чулковым в 3 неделе, Богданович добавляет вторую строку: «. . . Чтоб впредь не грешил, то прощяют в зачет».

«Дон, Дон, а дома лучшє» (4 неделя) Богданович перерабатывает следующим манером:

«Если есть чем кому обойтися в дому,
 Так не надо прибытков искать на Дону» (стр. 498).

«Далеко кулику до Петрова дня» (5 неделя) — пишет Чулков. Богданович не чувствует ритмической слаженности поговорки и переводит ее так:

«Далеко кулику от зимы до Петровок
 Кулик береги дескать хвост до обнвоков» (стр. 489).

Так же он поступает с поговоркой: «Ни шатко, ни валко, ни на сторону» (9 неделя);

«Не валко, не шатко, не впырь и не вскачь,
 Не высовывай нос и по задью не прячь» (стр. 490).

Количество примеров можно увеличить, но тенденции ясны. Богданович переписывает поговорки стихами в духе «билетов»

и двустийший, характерных для дворянской поэзии и выбрасывает всю соль народной поговорки.

В «И то и сьо» мы насчитали около 70 пословиц. Только 30 из них нашлись в книге Богдановича, и то в переделанном виде (за исключением пословиц: «Тише едешь—дальше будешь», «Что город, то норов» и т. д., совпадающих за незначительными отклонениями у обоих авторов). Сорока пословиц Чулкова у Богдановича нет. Не нашлось у него таких распространенных речений, как «На всякого мудреца довольно простоты», «Исправит горбатого могила», «Хлопог полон рот», «Охота смертная, да участь горькая», «В лесу рубят, а в мир щепы летят» и т. д. И тем более нельзя было встретить у Богдановича пословиц, вроде: «Тесть любит честь, зять любит взять, а шурин на всю глаза шурит» (2 неделя), «Победны (ошибочно вм. обидны) в поле горох да репа, а в мире вдова да девка» (5 неделя), «Аз пью и квас, а где увижу пиво, то не пройду уже мимо» (44 неделя), «Шей де вдова шпроки рукава, было б куда класть небывые слова» (45 неделя), «Если б на горох не мороз, давно б уже он через тыч перерос» и др. Не представит особого труда показать, что пословицы, приведенные Чулковым, именно в такой редакции бытуют и в наши дни.

Следует заметить, что Чулков использует ограниченный круг пословицных тем — главным образом, бытовые поговорки о житейской мудрости, рассудительности, осторожности и расчётливости, об умеренности и др. Богатейший крестьянский фольклор, посвященный земледельческому труду, нужде, угнетению, взаимоотношениям барина и мужика, он оставляет без внимания. Этим темам вообще нет места в журнале. Пословицы у Чулкова не подверглись литературной обработке, он записывает их так, как слышит от своих собеседников, и в этом их отличие от отобранных у народа и переделанных пословиц Богдановича.¹

Для большей убедительности приведем перечень пословиц, использованных в журнале Чулкова «И то и сьо» в сравнении с теми же пословицами в обработке Богдановича.

Журнал Чулкова
«И то и сьо»

«Русские пословицы»
Богдановича

1. Свой ум царь в голове (1 неделя).

Собственный разум-свать царь в голове.

Распознает, что в худо, что в пользу себе (стр. 419)

¹ Недостатки пословиц Богдановича были слишком очевидны. Д. Княжевич, издавший в 1822 г. «Полное собрание русских пословиц и поговорок, расположенное по азбучному порядку», куда вошли все пословицы «которые издателям встретились и которые приличие не воспретило предать тиснению» (числом 5365) — отмечает в своем предисловии: «Что же касается до пословиц г. И. Богдановича, то он сделал большую погрешность, предложив каждую в стихи — по большей части растянутые; но каковы бы они ни были, во всяком случае такое предложение не у места; ибо пословицы и поговорки передаются из уст в уста в привычных, никогда не изменяемых и временем освященных звуках и в таком только виде имеют свою цену».

2. От прибытку уста глаголют
(1 и 18 недели.)

3. Всякой де спляшет, да не
как скоморох (1 неделя.)

4. Денежка де всегда счёт лю-
бит (1 неделя)

5. За битого двух небитых дают
(2 неделя)

6. За одново битого два не-
битых дают, но и то ему не цена
(42 неделя)

7. Первой блин всегда бывает
комом (1 неделя)

8. Ум хорошо, а два еще лучше
того (2 неделя)

9. Что не ложь, то правда,
а чего невидано, так то солгано
(2 недели)

10. Не спросясь броду, для чего
ты соваяся в воду (2 неделя).

11. Повинную голову и меч не
сечет (3 неделя)

12. Конь о четырех ногах; од-
нако и тот спотыкается (3 неделя)

13. Дон, Дон, а дома лучше
(4 неделя)

14. Как хлеба край, так и под
елью рай (5 неделя)

Избыток уста отверзает,
И честь де-скасть разум ро-
ждает;

А горе на горе нуждается,
И весь де-скасть ум погубляет
(стр. 408)

Хоть и всяк спляшет в стрѣх,
Да не как скоморох (стр. 532)
Деньга любит счёт и веру,
И всему покажет меру (стр. 459)

Не к стыду-скасть в науке шу-
пают и бьют,
А за битого по два небитых
дают (стр. 530)

Первую песню зардевшись поют,
И кто вдруг не затынет, так
время дают (стр. 526)

Хорошо де-скасть разум, как
добр у кого,
А два разума вместе и лучше
того (стр. 513)

Вести по свету несутся с при-
бавкой,

И правду нередко услышишь
с приправкой,

А лживый и целую басню со-
ставит,

И басню за быль и за правду
прославит (стр. 476)

Не проведая броду,
Не пускайся в воду (стр. 426)

Повинную голову меч не сечет,
Чтоб впредь не грешил, то
прощают в зачет (стр. 327)

Конь о четырех ногах,
Да и тот спотыкается в мах
(стр. 427)

Коли есть чем кому обойтись
в дому,

Так не надо прибытков искать
на Дону (стр. 498)

Изаба скасть елова,
Да сердце здорово (стр. 499)

От радости и от веселья
И старцева краснее келья
(стр. 429).

15. А иногда и глухой скажет
слово в лад (5 неделя)
16. Далеко кулику до Петрова
дня (5 неделя)
17. На безрыбьи и рак рыба
(6—7 недели)
18. А что смешно, то и грешно
(8 неделя)
19. Не хвалися премудрый пре-
мудростью своею, ни богатый — бо-
гатством своим (8 неделя)
20. Тише едешь, дальше будешь
(8 неделя)
21. Признание прегрешения
половина исправления (9 неделя)
22. Ни шатко, ни валко, ни на
сторону (9 неделя)
23. Попроси к себе крестьянина
в гости и назови его братом, то он
не только что сядет перед тобою, но
и ноги на стол положить не задум-
вается (16 неделя)
24. Каков де Сава, такова ему
и слава (31 неделя)
25. Глупому сыну не в помощь
богатство аще не купит мудрости
изрядство (33 неделя)
26. От доброго дерева добрые
и отрасли (42 неделя)
- У сотни безумных
Найдешь и разумных (стр. 418).
Далеко кулику от зимы до
Петровок.
Кулик, береги де-скасть хвост до
обновок (стр. 489)
На безлюдьи Фома дворянин,
А в пустыне и волк господин
(стр. 507)
Что в обычай вошло, не смешно,
И что нищет закон, не грешно
(стр. 448)
Не чеченься, богат,
Мужиков не дурачь!
Урядят мужиком, (стр. 506)
Будешь сам дураком (стр. 506)
Тише едешь,
Дале будешь (стр. 490).
Умный грешит,
Да поправить спешит;
И порядок поставит,
И дело исправит (стр. 532)
На свете всяко-скасть бывает:
И праведник в порок впадает,
И грешник чисто кается,
И, кающийся, исправится
(стр. 414)
Невалко, нешатко, невпрыть
и невскачь,
Не высовывай нос и по задью
не прячь (стр. 490)
Посади мужика ты за стол,
Он положит и ноги на стол
(стр. 536)
Худ ли, добренек ли Савва —
То Савве такая и слава
(стр. 434)
Деньги-скасть: умным паука,
Несмысленным мука,
Скупому боязнь,
А бездельнику казнь (стр. 568)
У доброго дядьки
Добры и дитятки (стр. 390)
Каковы где дядьки,
Таковы дитятки (стр. 523)

- Добрых людей чрез добро получают,
И добрым примером к добру приучают;
А худы там детки от батек рождаются,
Где батьки их сами в добро не годятся (стр. 525)
27. Не давши слово крепись,
а давши его держись (46 неделя)
28. Рыба ищет где глубже, а человек где лучше (47 неделя)
29. Что город, то поров, что деревня, то обычай (49 неделя)
30. Конец венчает дело (51—52 недели)
- Не молвивши слово, крепись,
а промолвивши слово, держись (стр. 480)
- Рыба ищет где бы глубже,
Человек же где бы лучше (стр. 394)
- Что город,
То поров;
Что двор,
То говор (стр. 417)
- Добрый конец
Всему делу венец (стр. 427)

Пословицы Чулкова,
которых нет у Богдановича

1. И так уж батюшка конной передо мной (1 неделя).
2. Охота смертная, да участь горькая.
3. Что на свете ведётся, то нас не минётся.
4. Тесть любит честь, зять любит взять, а шурии на всё глаза щурит.
5. Говорить было немало, да разуму не стало (2 неделя).
6. Кто хорошо начал, тот половину дела сделал.
7. На всякого мудреца довольно простоты.
8. Исправит горбатого могила.
9. Хлопот полон рот.
10. Кто не родит, тот и не скорбит.
11. Красно поле с рожью, а человек с ложью.
12. Зеркало не выповато, коли рожка крива (3 неделя).
13. Пришла холя, принесла с собою гребень.
14. Там хорошо, где нас нет.
15. Без денег в город, сам себе враг.
16. У молодца не без золотца.
17. В лесу рубят, а в мир щепы летят (4 неделя).
18. Бережливый коня и зверь в поле не берёт.
19. Лучше хромать, нежели вечно сиднем быть.
20. Обидны в поле горох да репа, а в мире вдова да девка (5 неделя).
21. Не рожден не сын, не куплен не холоп,
Не вспоя не вскормя врага не видать (8 неделя).
22. На усле пива не узнаешь.

23. Из самой малой ссоры выходит худа слишком три пуда (9 неделя).
24. Пришел в аптеку ничего не отведывай, чтобы вместо лекарства не накушаться яду.
25. От хорошего никто не отпирается, а от худого всяк (13 неделя).
26. На делу только не обидь, а после хоть все отойми (15 неделя).
27. Что ни ложь, то правда, а что правда, то боль, боль неукора, а стыд не дым, глаза не выест (15 неделя).
28. Не родись не хорош, не пригож, а родись счастлив.
29. Богатые учатся для того, чтобы науками себя украсить, а бедные, чтобы от оных разбогатеть (16 неделя).
30. Споруйся до слез, а об заклад не бейся (40 неделя).
31. Аз пью и квас, а где увижу пиво, то не пройду уже мимо (44 неделя).
32. Шей де вдова широки рукава, было б куда класть небылые слова (45 неделя).
33. Что в сердце варится, то в мире не утаится.
34. Не прав медведь, что корову съел,
Не права и корова, что в лес забрела (47 неделя).
35. Неволя скачет, неволя пляшет, неволя песни поет (48 неделя).
36. Если б на горох не мороз, давно б уже он через тын перерос (49 неделя).
37. Времена шатки, береги шапки.
38. Варил поп пиво, не велико то диво;
Варила попадья пиво; вот это то диво.
39. Споруйся до слез; а об заклад не бейся (50 неделя).
40. Есть де что послушать, да нечего покушать (51—59 недели).

Пользовался ли Чулков каким-либо собранием пословиц — установить трудно. Первым печатным изданием пословиц считается «Сбор разных пословиц и поговорок» в книге Курганова «Российская Универсальная грамматика», но книга эта появилась в свет после журнала Чулкова. Что касается рукописных сборников, то здесь дело обстоит иначе. По подсчетам П. К. Симони (Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий, вып. I, СПб., 1899) насчитывается более двух десятков рукописных сборников, наиболее старые из которых относятся к XVII в. Возможно, что какой-либо из них был в руках Чулкова.

К числу наиболее обширных рукописных собраний пословиц относится сборник XVII в. «Повести или пословицы всепароднейшая по алфавиту», принадлежавший ранее К. М. Оболенскому, переданный им библиотеке Московского главного архива Министерства иностранных дел и перепечатанный в упомянутой книге Симони. Этим сборником пользовался в 1848 г. И. Снегирев, позднее Ф. И. Буслаев и др. На листах 321—382, после повестей из «Римских деяний», посланий, нравоучительных статей, в нем помещены три тысячи пословиц, поговорок, загадок и т. д., вслед за которыми идет биография Эзопа и тексты его басен. Автор сборника неизвестен; в числе предположений выдвигаются имена Симеона Полоцкого, Кариона Истомина, монаха Ефимия. Элемент церковной учености в книге явно заметен, в числе пословиц подчас фигу-

рируют священные тексты, нравоучительные изречения, однако живая народная речь звучит очень сильно и неприкрашено. Автор заботливо собирал меткое народное слово и, более дорожа полнотой собрания, чем уважением к рясе, включил в книгу немало пословиц, насмехающихся над духовенством, вроде: «попам да клопам жить добро», «поп любит блин, а ел бы он один» и т. д. Сравнивая пословицы этого сборника с пословицами Чулкова, мы видим, что между ними много общих: №№ 1, 3, 5, 10, 12, 15, 16, 18, 20, 24, 26, 27, 28, 29 нашего сравнительного перечня соответствуют №№ 2104, 488, 1767, 1527, 1955, 1356, 1217, 688, 2635, 2240, 2406, 167, 2512, 766 + 1667, 2100, 1151 + 2625 «Повестей и пословиц всенароднейших». Другими словами, эти пятнадцать пословиц общи для рукописного сборника, Чулкова и Богдановича и относятся к разряду наиболее употребительных: «За битого двух небитых дают», «Повинную голову и меч не сечет», «Тише едешь, дальше будешь», «Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше», «Что город, то поров» и т. д. Количество общих для Чулкова и рукописного сборника пословиц повышается далее именно там, где Чулков расходится с Богдановичем. По приведенному выше списку №№ 3, 4, 5, 7, 8, 9, 11, 15, 16, 18, 20, 21, 22, 26, 28, 31, 34, 39 в рукописном сборнике соответствуют №№ 2624, 2264, 639, 486, 559, 2410, 1232, 2229 + 198, 2324, 341, 2073 + 1840, 1657 + 1684, 1729, 1675, 1786, 60, 533, 817. В их числе пословицы типа побасенки, прибаутки, длинные рифмованные пословицы, грубовато-шутливые поговорки, каких не найти средн сборника Богдановича, например: «Обидны в поле горох да репа, а в мире вдова да девка», «Неправ медведь, что корову съел, неправ и корова, что в лес забрела», «Аз пью и квас, а где увижу пиво, то не пройду уж мимо», «На сусле пива не узнаешь» и т. д. Таким образом это сопоставление вновь подчеркивает народность чулковских пословиц, почерпнутых из языка, из быта, откуда черпал их и составитель «Повестей и пословиц всенароднейших».

Отметим попутно следующую деталь. В середине XVIII в. не существовало общепринятых норм правописания. Сумароков спорил с Тредиаковским и учил наборщиков законам российского языка, Ломоносов писал по-своему и т. д. Что касается Чулкова, то для него характерна передача современного «ё» через «ю», так он изображал иотированный звук. Первые пять недель заглавие журнала писалось так: «И то и сю». В литературе XVIII и начала XIX вв. широко применялись рифмы типа «идет — свет» и т. д. Чулков стоял за живую речь. Правда, с шестой недели — сумароковской — «сю» уступило место «сьо» — «И то и сьо»; однако, устранив написание ю из заголовка, Чулков не расстался с ним в тексте. Он продолжал писать «всю», «всюму», «берюзка» (22—23 недели), «шубюнка на юм худюхонька» (47 неделя) и т. д. Последняя фраза взята из народной песни, приведенной в тексте. Это важно отметить вот в какой связи. В 1772 г. вышли «Досуги» соратника Чулкова М. Попова, включавшие известную «Анюгу» — комическую оперу

из крестьянской жизни. Речь крестьян испещрена здесь множеством «пытако», «ерак», «толды», «колды», «баска», «хахоль» и т. д., причем написание произносимых слов отличается от передачи речи участвующих в действии дворян. Слова «лед», «мед», «ему» изображаются так: «лѳод», «мѳод», «ѳому» и др.

Эта транскрипция должна была как можно точнее передать крестьянский говор, его иотированные звуки, наиболее сложные для воспроизведения. Чулков и Попов, знатоки и пропагандисты фольклора, желая воспроизвести народный язык во всех его особенностях, прибегали к довольно сложному транскрибированию. Стоит напомнить, что несколько раньше к таким приемам прибегал в «Щепетильнике» Лукин, воспроизводивший один из средне-русских говоров с педантичной точностью. Новое, вносимое в данном смысле этими писателями, заключалось в намерении расширить рамки литературного языка, привлечь новые изобразительные средства для показа новых персонажей, бравшихся ими из среды крестьян, ремесленников, купцов.

8

В своем стремлении к фольклору Чулков был не одинок. Интерес к народному языку в то время начинал приобретать все большие масштабы. Носителями его выступали люди с педварянской идеологией, представители «третьего сословия». Народной речью начали заниматься и представители официальной науки. Почти одновременно с чулковским журналом и с «Писмовником» Курганова, в 1770 г., вышла книга «Собрание 4291 русских пословиц» (Сошников, № 10963). Как можно с достоверностью утверждать, этот сборник составлен Антоном Александровичем Барсовым, профессором Московского университета, автором «Грамматики российской», предлагавшей новую систему орфографии. П. К. Симони (Старинные сборники русских пословиц, вып. I, 1899, стр. VI) между прочим указывает, что «Собрание 4291 русских пословиц» приписывалось «некоторыми исследователями русскому писателю и этнографу XVIII ст. М. Д. Чулкову». Авторство спутано случайно. Записи пословиц у Барсова и Чулкова в точности совпадают. Все пословицы, приведенные в журнале «И то и сѳо», есть в «Собрании». Книга Барсова была переиздана, без обозначения второго издания, в том же 1770, а по другим сведениям в 1778 г., а затем ее снова выпустил в 1787 г. Новиков, правильно учтя читательский интерес и значение книги.

Видное место занимают пословицы и в знаменитом «Писмовнике» Н. Курганова. Первое издание этой книги, под названием «Грамматика российская Универсальная», вышло в марте 1770 г., одиннадцатое — в 1837 г.

Книга содержит три части грамматики, после чего идет хрестоматийный и энциклопедический материал — обозрение наук и художеств, мифологический словарь, апофегмы, «Краткие за-

мысловатые повести», «Сбор пословиц», «Разные стиходейства» и пр.

Следует определить литературно-идеологическую установку самого Курганова — и в его научно-педагогической деятельности, и в его «Письмовнике», как демократическую, «разночинно-буржуазную». Мы встретим у него не только общепринципальные установки «демократического» характера, но даже знаменитое: «C'est l'opinion qui gouverne le monde».

«Книжник (спрашивает): Какими способами управляют народом? Мальчик: мнениями».

В этой книге есть мифологический словарь, толковый словарь, наличествующие и в журнале Чулкова «И то и сьо» без какой бы то ни было сатирической окраски. И там и здесь есть стиховой материал — эпитагмы и басни и даже народные песни. И тому и другому изданию общи пословицы — и они часто совпадают, в то время как многих наиболее характерных народных пословиц и поговорок, приводимых Чулковым, нет в официальном собрании пословиц Богдановича. Из двух десятков анекдотов, рассыпанных в «И то и сьо», 16 отыскалось у Курганова — и редакции их одинаковы. Совпадения, как видим, очень значительные, невозможные ни для какого из остальных сатирических журналов 1769 г.

В «Грамматике» Курганова пословицы занимают от 109 до 125 страницы убористого петита, напечатаны они в подбор. В наши цели не входило определение источников Курганова, это явилось бы слишком сложной задачей. Зная компилятивный характер этой книги, не скрывавшийся автором, естественно предположить, что Курганов воспользовался каким-либо рукописным собранием пословиц. Барсов готовил и издавал свою книгу в Москве, так что Курганов вряд ли мог быть с нею знаком. Это подтверждается и несовпадением материала. Так, например, на букву «Р» у Барсова помещено 69 пословиц, а у Курганова 16, причем только 5 из них приведены в «Собрании», остальных нет. На букву «Ф» в «Собрании» 11 пословиц, у Курганова — 3 и все разные и т. д. В случае совпадения пословиц, тексты часто различны: «Будто тяп ляп, ан изба», «Бранися, а на мир слова оставляй» (Собрание); «Будто тяп ляп и клетка», «Бранися на мир слова оставляют» (Курганов) и т. п.

Не совпадает Курганов и с Чулковым: книга его вышла позднее журнала (публикация в «Санкт-Петербургских Ведомостях» 2 марта 1770 г.), а кроме того только половина чулковских пословиц (35 из 70) есть у Курганова. расхождение следует объяснить неполнотой кургановского собрания, несмотря на то что во втором издании «Грамматики», вышедшей уже под названием «Писмовник», Курганов дополнил отдел пословиц несколькими десятками новых.

Расхождение Курганова с Богдановичем идет по такой же линии, как и у Чулкова. Общими для всех трех авторов являются только 15 пословиц:

1. От прибытку уста глаголют. (У Курганова «избытку».)
2. Всякий де спляшет, да не скоморох.
3. Денежка де всегда счет любит. (У Курганова без «де» и добавлено: «а хлеб меру».)
4. Первый блин всегда бывает комом. (У Курганова «. . . да комом».)
5. Ум хорошо, а два еще лучше того. (У Курганова «добро».)
6. Не спросясь броду для чего ты совался в воду. (У Курганова «не суйся».)
7. Конь о четырех ногах; однако и тот спотыкается. (У Курганова без «однако».)
8. Дон, Дон, а дома лучше.
9. Далеко кулику до Петрова дня.
10. На безрыбьи и рак рыба.
11. Что смешно, то и грешно.
12. Ни шатко, ни валко, ни на сторону. (У Курганова «Живи. . .»)
13. Каков де Сава, такова ему и слава.
14. Рыба ищет где глубже, а человек где лучше.
15. Что город, то норов, что деревня, то обычай. (У Курганова вм. «деревня» — «человек».)

За исключением №№ 1 и 3, остальные пословицы относятся к области поведения людей, говорят о необходимости рассудительности, осторожности и пр. Элемент этот свойствен всем трем авторам, причем особенно силен он у Богдановича. Чулкова же с Кургановым сближает наличие рифмованных пословиц, присловий и острых народных речений (Ср. выше «Пословицы Чулкова, которых нет у Богдановича», №№ 4, 32, 33, 36, 37, 41 и др.)

Таким образом нужно признать, что пословицы Чулкова не заимствованы им из какого-либо печатного источника, что ему свойственна тенденция к внесению в свой текст оборотов живой разговорной речи, пословиц и прибауток в их народной несправленной редакции. В смысле направления отбора он сходится с Кургановым, и оба они резко отличаются от официального собрания пословиц, выполненного Богдановичем.

Необходимо сказать еще об одном сборнике пословиц — «Выборные Российские пословицы». Как указывает Сопиков (№ 8563), автор их — Екатерина II. Это — часть «Гражданского начального учения», составленного ею. Всех пословиц 126, напечатаны они в 1782 г. Подбор чрезвычайно характерен, начиная с первого изречения: «Аще царство разделится, вскоре раззорится». Пословицы учат государственной мудрости, осторожности, требуют соблюдения законов и правил общежития. Приведем несколько примеров:

Внятно рассудить, скоро начать, прилежно производить.

Всегда новизна, да редко правизна.

Всуге законы писать, когда их не исполнять.

Где добрые судьи поведутся, там и ябедники переведутся.

Деньги много могут, а правда царствует.
Дело право, только рассматривай прямо.
Кто бесчинно поступает, тот многим досаждают.
Кто дело незнат, напрасно о нем рассуждает.
Кто истинную объявит, того никто не обвинит.
Кто открывает тайну, тот нарушает верность.
Кто смирением себя украшает, тот честностию укрепляет.
Милость хранитель государства.
На зачинающего бог.
Напрасно о том рассуждают, чего сами не знают.
На совет чужой не ходи, пока позовут, пожди.
Не будет пахатника, не будет и бархатника.
Не хвали сам себя, есть много умнее тебя.
Старые пророки померли, а новые правды не сказывают.
Чем не велит бог владеть, тем не может овладеть.

Народной речи тут искать нечего, даже характер пословиц утеряли эти тенденциозные изречения, из которых, казалось, складывался написанный кодекс Екатерины II. Назойливый учительный тон, безапелляционность суждений, специфический отбор без труда убеждают в принадлежности этого сборника его высокопоставленному автору. Весьма возможно, что именно этот сборник послужил поводом для того, чтобы поручить Богдановичу сбор и обработку большого числа «российских пословиц».

Внимание Чулкова привлекли и загадки. В № 1 своего ежемесячного издания 1770 г. «Парнасский Щепетильник», на стр. 46—48, он напечатал «Древние русские простонародные загадки», числом 15. Как и пословицы в журнале «И то и сьо», они были записаны самим издателем, и этот маленький подбор является первым печатным собранием русских загадок. Чулков правильно определил в заглавии их «простонародный» характер. Эти «древние» загадки живут и сейчас, и большинство из них хорошо известно нам по старым азбукам, по детским книгам. Их стоит привести, так как они нигде не перепечатывались, а «Парнасский Щепетильник» представляет собой библиографическую редкость.

1. Два царя в золотых венцах, люди им поклоняются, а они людям покоряются.
2. Летит птица орел, несет в носу огонь, по конец хвоста человекья смерть.
3. Велико поле Романово, много скота рогатого, а один пастух Полуяшечко.
4. Породила меня каменна гора, принимала мяя огненна река, кости мои распадуци и в гроб некладуци.
5. Лежит лось, протяня нос, а встанет, так до неба достанет.
6. Родится от воды, растет от огня, и от воды умирает.
7. Бог не видит, цари видят редко, а мы завсегда.
8. Боярыня, княгиня, весь мир надарила, а сама нагая ходит.

9. Кругленько, маленько, всему миру милен ко.
10. Летает птица долгоносая, носит платье рудожелтое, а кто уьбет, тот кровь свою прольет.
11. Выше лесу, ниже травы, с лесом ровно, а не видно ево.
12. Мать толста, дочь красна, сын хоробер, под небесы пошел.
13. Тоненько, маленько, по всему миру скачет, весь мир наряжает.
14. Поутру на четырех, в полдень на двух, а к вечеру на трех.
15. Черненько, маленько, в покои вскочило, царя разбудило.

Помещая эти загадки, Чулков давал своему читателю занимательный материал для чтения. Преследуя эту же цель, В. Левшин в 1773 г. выпустил отдельным изданием «Загадки, служащие для невинного разделения праздного времени». Это — тип книжной литературной загадки, несомненно имеющий иностранное происхождение. Вот, например, загадка «Удочка»: «По произволению человека должна я почасту тонуть в воде; то только удивительно, что сильнее себя животное могу удерживать. Кто попадаетея ко мне в зубы, тот никогда не уйдет и чем больше стараться будет свободиться, тем более себя свяжет». Вот загадка «Любовь»: «Меня на свете нет сладчае и горчае, приятнее и мучительнее. Через мое побуждение смертные населяют землю, а без меня не могут они быть. Я должна жить между двоих; больше ни товарищей, ни свидетелей сносить не могу. При всем том изостряю разум и могу оный отнять». Еще более салонный развлекательный характер носит анонимный сборник «Увеселительные загадки со правоучительными ответами, состоящие в стихах» (1781 г.). «Сказаниями русского народа» Сахарова в 1837 г. начинается впервые научное собрание народных загадок; Чулков был одним из первых «вкладчиков» этого интереснейшего и важнейшего дела.

9

В тесной связи с интересом Чулкова к фольклору находятся попытки его создать славянскую мифологию, над чем одновременно с ним трудился и М. Попов. Вообще же в своих работах в области мифологии Чулков учитывал читательские запросы. Установку на ходовую, необходимую каждому книгу имел «Краткий мифологический лексикон», изданный в 1767 г. и появившийся в свет в 1772 г.

Мифологический словарь Чулков поместил и в «И то и сьо», также приближая своих читателей к кругу знаний, необходимых для образованного по тогдашним временам человека. Мифологические формулы, попадавшие в журнал, Чулков попутно поясняет. Так, в 4-й неделе, говоря о богаче, что он «богат, как Крезус, а скуп как Мидас», он сейчас же переводит сатирически это сравнение на общепонятный язык: «или по-русски, достаточен так, как олонецкий мужик, а не тароват, как раскольник».

Таковую же задачу ставил перед собой и Курганов, не хуже Чулкова знавший аудиторию, к которой он обращался, среду мало

образованных людей, желавших приобщиться к дворянской культуре, господствовавшей и огражденной от постороннего доступа.

В «Разговоре о Мифологии или Митологии» Курганов (1-е изд., стр. 228 и сл.) сообщает, что «знание сих басен» «научает нас разуметь стихотканье и толкует об исторических и басенных изображениях, как на картинах, на обоях видим». Текст отличается от текста работ Чулкова. У богов взяты зачастую различные признаки, указаны разные подробности и т. д. Изложение Курганова значительно короче. Отсутствуют у него и «славенские» боги, в изобилии приведенные Чулковым на ряду с представителями эллинико-римской мифологии.

Но, устанавливая порядок богов и их номенклатуру, Чулков одновременно учинял на Олимпе большую перетасовку. Эта непоследовательность объясняется тем, что сам Чулков уже выходил за рамки дворянской культуры, неся в себе черты нового буржуазного мировоззрения. Выступая в роли автора и издателя-профессионала, кормящегося своим пером, он в то же время пытался бороться с дворянскими литераторами и с выпрепнным стилем традиционной придворной поэзии.

Кроме того, Чулков считал необходимым создать собственную «национальную» мифологию. Дворянству, осваивающему высоты греко-римской мифологии и не заинтересованному в особых «национальных» богах, Чулков противопоставляет упорное стремление создать именно «славенскую» мифологическую иерархию. То же делает и М. Попов в «Кратком описании древнего славянского языческого баснословия» (Досуга, 1772). И если в «Мифологическом лексиконе» и «русские» и греко-римские боги соединены вместе и аккуратно расположены в алфавитном порядке, то в «И то и сьо» слитность устранена, славенские боги со всем, что до них касается, выделены в особый словарь и смешивать их нельзя. Какой успех имели собранные, а отчасти сочиненные Чулковым описания богов, показывает табличка и список поэтов, пользовавшихся ими, приведенные в книге В. Шкловского «Чулков и Левшин» (стр. 100). В списке есть имена Богдановича и Державина. Не чужд этой мифологии был и А. Н. Радищев. Словом, вплоть до Вельтмана, общавшего составить свою «славенскую мифологию», работы Чулкова и Попова, на ряду с книгой Кайсарова, признавались необходимым и полным пособием по мифологическим вопросам.

Сближает Курганова с Чулковым и еще одно обстоятельство. Не ограничиваясь стихами современных поэтов, Курганов приводит в своей книге ряд народных песен и былин, что также роднит его с Чулковым, печатавшим песни в своем журнале (На семик, свадебные песни в последних неделях «И то и сьо» и др.) и вскоре потом издавшим в свет свое «Собрание разных песен».

Курганов, внимательно читавший журналы, немедленно воспользовался стихами Чулкова и вставил два отрывка из «Стихов на семик» в свой отдел «Разные стиходейства». Поступил он с текстом очень вольно, и Чулков в свою очередь мог бы предъявить

к нему претензии, подобно тем, которые к нему предъявлял Сума-роков. Он приписал несколько строк от себя и смонтировал два отрывка: «Древнее суеверство» и «Политическое известие». Под первым заголовком помещены такие стихи:

«Как римлянин, грек и славянин древний
По слепоте своей жили в одном заблуждении. . .
У славян старшим слыл Перун громовый бог» —

и дальше идут стихи Чулкова, описывающие многобожие славян.

Под заголовком «Политическое известие» идет сокращенный перечень городов и прославившей их продукции:

«В Санкт Петербурге есть и устерсы и раки,
В Москве с подюжины дают за гривну дынь,
И ведаю опять чем славится Медынь.
Клин город лаптями, а Муром калачами,
Замками славен Тверь, а Новгород сыртами» и т. д.¹

Эти отобранные кусочки Чулкова проходят по всем изданиям «Письмовника». Курганов выбрал наиболее «устойчивый» материал, содержащий ряд мифологических и географических сведений, и сделал это хоть без большого такта, но очень последовательно.

Общим для Чулкова и Курганова является также наличие словарей. Свой иностранный толковый словарь Чулков поместил в 26—27 неделях «И то и сьо». Указав в предисловии, что «наш язык и без них (иностранных слов) пресизобилен», Чулков приступает к толкованию. Направление словаря — деловое. Язык щеголя и петиметра, в котором французские слова существовали на равных правах, а иногда и пересиливали русские, в нем почти не затронут. Выражения чувств, настроений, душевных движений и пр. Чулков оставляет без перевода. Зато он широко объясняет слова международного торгового лексикона.

Авантаж. Прибыток, польза, превосходство пред другими.

Ваканция. Порожнее, увалое место.

Интерес. Прибыток, польза.

Кредитор. Веритель и заимодавец.

¹ «Географические» стихи встречаются и у Рубана (Ни то ни сio, стр. 83, 9 мая):

«Пойду отсель в Китай, оттуды прямо в Вену,
Из Вены в Индию, отоль на Рейн и Сену,
Оттуды в Вавилон и прямо через Клин,
Чрез Киев, Амстердам, Камчатку и Турин
Достигну до Бендер, оттуда до Митавы.
И в аравийские поворочу дубравы» и т. д.

Характер этого маршрута шуточный и не имеет точности перечислений Чулкова, но важно отметить расширявшийся интерес к такого рода «географической поэзии», причины которого, несомненно, лежали в расширении торговых и политических связей.

Контракт. Договор при торге.
 Коммерция. Купечество.
 Капитал. Собственное имение, деньги и вещи.¹
 Квитанция. Роспись в платеже.
 Кондиция. Договорная статья, договор с обязательствами.
 Каталог. Реестр.
 Копия. Список.
 Реестр. Роспись.
 Секретарь. Таинственный.
 Термин. Срок.

Всего в словарики Чулкова помещено объяснение 281 слова. Из них 99, т. е. 32%, подобно выписанным, относятся к области деловой, коммерческой.

Количество слов, охваченных Кургановым, в несколько раз больше; здесь трудно отметить какую-либо тенденцию отбора, но зато характер объяснения бросается в глаза. Курганов вводит много славянизмов, предупреждая в этом отношении языковую политику Шишкова и архаистов. У Чулкова такого стремления незаметно. Думается, что для него важнее было не заменить иностранные слова, уже прочно вошедшие в оборот разговорной речи и оставшиеся в языке до наших дней, а именно разъяснить их — и принять. Чулков вовсе не хотел называть калоши мокроступами, но стремился помочь своему читателю быстрее овладеть ходовыми терминами международного делового лексикона. Сближать его по этой линии с Сумароковым, что делает В. П. Семенников (Русские сатирические журналы), по нашему мнению, не приходится: цели обоих были совершенно различны, как различны и их классовые позиции.

10

Довольно заметное место в журнале Чулкова играют анекдоты — короткие рассказы, остроумные и запоминающиеся. Они не являются оригинальными. Чулков почерпнул их из какого-то источника, повидимому, иностранного. Эти анекдоты составляют большую часть всего заимствованного и переводного материала «И то и сьо», строившегося в основном на самостоятельном материале.

Сборники анекдотов в XVIII в. вообще пользовались большой популярностью. В 1764 г. появилась книга Семенова «Товарыщ

¹ Примечательно, что слова «Коммерция», «Капитал» и «Кондиция» Чулков объясняет дважды — в 26-й и 27-й неделях журнала. Это недосмотр не типографский, а авторский, потому что формулировки разные. Выше даны эти слова по 26-й неделе, а в 27-й «Капитал» объяснен как «Имение, деньги» «Кондиция. Договоры на обязательствах». Для Чулкова такая ошибка; такое повторение имеют свою закономерность. . .

разумной и замысловатой»¹ — солидный сборник исторических анекдотов, переведенных с французского и латинского языков. В 1769 г. вышла книга «Смеющийся Демокрит»,² такого же типа. В них много одинаковых анекдотов, но перевод различный, прямых заимствований нет, редакции другие. Очевидно, оба автора пользовались одним источником, весьма распространенным. 5 анекдотов, приводимых Чулковым, есть и у Семенова, но имеют они совсем другой вид. Так, в анекдоте о длинных испанских именах у Чулкова (и Курганова) действуют испанец и крестьяне, а у Семенова драгун — повидимому, немец — и купец, к которому он просился ночевать. Известная история о старике, давшем детям переломить веник, напечатанная Чулковым, у Семенова отличается тем, что вместо старика взят Сцилер,³ а вместо веника — пучок стрел и т. д. Сборники Семенова и «Смеющийся Демокрит» имеют много общих анекдотов и с Кургановым, но редакции их различны — более сжатые, точные находятся у Курганова.

В. Кирпичников в статье «Курганов и его „Письмовник“» (Очерки по истории новой русской литературы, 1903, стр. 40—75) устанавливает, что «Краткие замысловатые повести» — числом 30 из 321 — заимствованы Кургановым из книги «Roger Bontems, en belle humeur, donnant aux tristes et aux affligés le moyen de chasser leurs ennuis et aux joueux le secret de vivre tousiours (sic) contents».

Литературная хрестоматия — собрание народной и книжной мудрости, составленная Кургановым, породила подражания. В 1788 г. при Академии Наук вышла книга Г. Г. [Громова]: «Любовники и супруги, или мужчины и женщины (некоторые). И то и сію. Читай, смекай и может быть слюбится» (Сопиков, № 6087). Книга построена по плану «Седьми присвокуплений» Курганова, но без его грамматики. Заглавие явно рассчитано на то, чтобы возбудить интерес читателя. Книга Громова не оригинальная — весь материал извлечен им из разных источников, в частности из того же Курганова, без особой переделки. В начале идет «Забавное баснословие древних греков и римлян с толкованием», затем «Потешные повестцы и мудрые ответы», «Достопамятные положения», «Сантисшы философа басни», «Пословицы, поговорки престонародные; большая часть в иносказательном смысле» и «Избранные песни» любовного свойства.

¹ Товарищ разумной и замысловатой или собрание хороших слов, разумных замыслов, скорых ответов, учливых насмешек и приятных приключений зватных мужей древнего и нынешнего веков.

Переведенной с французского и умноженный из разных латинских и сей же материи принадлежащих писателей как для пользы, так и для увеселения общества Петром Семеновым. Часть I. В СПб., 1764. (Сопиков, № 11800—11801.)

² Смеющийся Демокрит или поле честных увеселений с поруганием меланхолии переведено с латинского языка. Печатано при Моск. унив., 1769. (Сопиков, № 3112.)

³ Сцилер — буквальная передача польского Szyler — испорченного немецкого Schilder — щитоносец, латник, т. е. воин, что говорит о польском источнике этого анекдота.

«Письмовник» использован очень откровенно — местами анекдоты Громов переносил в свою книгу под ряд, только в обратном порядке (№№ 3, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 11, 14, 15, 16, 17, 19, 20, 21, 23, и т. д. Громова соответствуют №№ 318, 313, 312, 297, 290, 289, 285, 286, 281, 280, 279, 266, 247, 237, 229, 199 и т. д. в «Писмовнике» Курганова). Для доказательства текстового совпадения приведем только один пример из десятков:

«Молодец женился сказал своей жене на первой ночи: ежели бы я тебя так знал прежде, то бы никогда на тебе не женился. Это правда, отвечала она, я сама то думала; потому что меня прежде раз пять уже обманули, и я опасалась более в такой обман даваться» (Курганов, № 286).

«Один молодец сказал своей жене на первой ночи: ежели бы я так знал тебя прежде; то бы отнюдь на тебе не женился. Это правда, отвечала она, я сама то думала; потому что меня уже раз пять прежде обманули; и я опасалась более в такой обман вдаваться» (Громов, № 11). «Достопамятные положения» Громова у Курганова называются «Достопамятные речи». Пословицы Громова все до одной взяты из Курганова; своих он не прибавлял. Песни заимствованы из «Собрания разных песен» Чулкова.

Анекдоты, приводимые Чулковым, ближе всего подходят к анекдотам «Писмовника». Но в то время как Курганов располагает их в хрестоматийном порядке, Чулков в ряде случаев создает из анекдотов своеобразный монтаж, звучащий новым содержанием. Однако до этого смысла надо добраться; тот же, кто был не в состоянии этого сделать, мог воспринимать анекдоты каждый в отдельности. Часть из них и печаталась Чулковым «на подверстку», заключая номер или отдельную статейку, оканчивавшуюся на середине страницы.

В 46-й неделе «И то и сьо», 17 ноября, Чулков вступает в беседу с читателями: «А-пропо, что же это такое, то истинну сказать, сам я сего не знаю. . . Господин читатель, доброе дело, что я имею счастливый случай еще с тобой свидеться. . .» Далее он просит великодушно простить его слабости, «припомня сие, будет де и такое время, что мы не только сего, но и всех еженедельников не увидим». Это уже не намеки, а довольно ясное указание на какие-то цензурные трудности. За этим следует общий с Кургановым анекдот про художника Аппеллеса, против обыкновения изобразившего фортуна сидящей и в свое оправдание заявившего, что и летающая фортуна должна когда-нибудь иметь покой. Далее авторский текст: «Если небо на кого свой гнев напустит, то тот не токмо человеку, но и скоту игрушкою бывает. Сие выговорил я с намерением», — прибавляет Чулков и в заключение рассказывает анекдот, приводимый Кургановым, о короле Людовике, назначившем глупого человека в совет и на возражения заметившем: «Неужели столько умных людей одного глупого исправить не могут».

Ко всем этим иносказаниям и выпадам можно дать фактическую справку: в № XXX «Трутица» от 17 ноября помещены копии с отпи-

ски крестьянина Филатки и с помещичьего указа, а весь декабрь «Трутень» не выходил вовсе.

Последний (51—52) номер своего журнала Чулков выпустил двойным и вместо фольклорного, бытового материала наполнил его короткими анекдотами и авторскими отступлениями. Анекдоты эти сами по себе известны по Курганову и не представляют ничего интересного. Но расположение их в номере наводит на некоторые выводы.

Смысл первого анекдота сводится к тому, что на Олимпе объявили «набор в богини». Некоторые «властолюбивые жены», желая попасть в число богинь и не зная, что для этого предпринять, начали белиться и румяниться, думая, что в одной только опрятности состоит достоинство богини. Кожа на их лицах испортилась, а Юпитер погребовал от богинь не красоты, но разума.

«И тако целый год неосновательные те жены румянились и белились, однако в богини не годились».

Дальше рассказано, как во время «великого народного смятения» вышел «претолстый оратор». Появление его возбудило смех. «Я вижу, государи мои, сказал он, что смеетесь моему дородству, но жена моя еще меня потолще; однако когда мы в согласии, тогда и одной постели нам довольно; а когда же размолвимся, тогда и целого дома мало. Вместо всей его речи сим одним словом утушил он народное смятение».

Третьим помещен анекдот о старике, приказавшем детям переломить разом пук прутьев, чего они не смогли сделать и преподавшим на этом примере урок дружеского согласия.

Предположив, что все это относится к современному литературному положению и переводя «эзопов язык» Чулкова на общепонятный, мы получаем следующее разъяснение. «Набор в богини» обозначает расцвет журналов, из которых, однако, многие не отличались разумом и напрасно «румянились и белились» целый год. Журналы не жили между собой в согласии, между тем только совместные действия имеют серьезный результат: по одиночке с каждым справиться можно легко, о чем и говорят цензурные подземные толчки и закрытие изданий. В одном из следующих рассказов говорится о «некаком мальчишке», развязно судившем журналы и разругавшем их все, за исключением «Всякой Всячины», на что умные люди, считая его дураком, не стали противоречить. Повидимому, Чулков говорит здесь о необходимости тесных совместных действий, объектом которых он считает «Всякую Всячину». Мысль о возникновении такого союза очень любопытна и показывает попытку — правда запоздалую, — составить некий альянс журналов, направленный против правительственного органа. Чулков здесь отошел от своей униженно-рабской позы и в замаскированной форме высказал смелые мысли. Но он не остановился на этом. Заключительный номер «И то и сьо» показателен в этом отношении.

Последняя статья — разговор издателя с читателем. Он просит не хвалить его журнал — чтобы не возбуждать ненависти завистников. Впрочем, «похвалы я твоей недостойн, — говорит Чулков, — во-первых, похвала нужна за усердие, во-вторых, за то, что он сделал своим изданием приращение книгам» и т. д., и «далее принадлежит мне похвала за то, что не коснулся я до того, что сверх моей силы и о чем рассудить я не умею; например: . . .» — и до конца страницы идет шесть пробельных строчек, затем пустая страница с оборотом, потом еще пробел в шесть строк на следующей странице, после чего с абзаца начинается новый текст о неразумных сочинителях.

Нехитрый типографский трюк подчеркивает ограниченность чулковской тематики и дает понять, что произошло это «по независящим» от автора причинам.